

Рина Беж

Ошибка оборотня

«Литнет»

2023

Беж Р.

Ошибка оборотня / Р. Беж — «Литнет», 2023

♥#— Джек, а это кто такая? — визгливый голос девицы, недавно стонавшей в спальне наверху, заставляет поморщиться. — Просто знакомая. — Его истинная. Отвечаем мы с Торовым одновременно.✓# ОДНОТОМНИК ♥# Четвертая книга в цикле про оборотней. 1. «Потерянная пара альфы»; 2. «Вернуть истинную»; 3. «Девочка контролера»; 4. «Ошибка оборотня»; 5. «Лишняя»; 6. «Истинная пара. Проклятию вопреки»;

© Беж Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	45
Глава 15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1

СОЛАНА
 Со второго этажа доносится пронзительный женский вскрик, а вслед за ним через пару мгновений томный протяжный стон:

– О-о-о, Дже-е-е-ек, ты кру-у-ут...

От неожиданности вздрагиваю и выпускаю из рук сверток.

Дзин-н-нньк!

Подарок, фигурка волка из неаполесского голубого хрустала, который я с таким азартом сыщика выискивала по инфосети больше двух месяцев, желая порадовать Торова на день рождения, разлетается вдребезги.

Черт!

Теперь не оценит.

Прикусываю губу, взирая на осколки, прорвавшие упаковку при встрече с полом и разлетевшиеся вокруг.

— Джек, ты слышал шум?

Сверху доносится возня и шебуршание.

— Сквозняк, наверное, — низкий приятный голос хозяина дома заставляет мурашки бежать по спине. — Не отвлекайся.

— Сквозняк? Ты думаешь? — не затыкается девица. — Но, мне кажется, что...

— Закрой рот, Коди. Ты здесь не для того, чтобы болтать, — жесткий приказ звучит не для меня, но все равно заставляет вздрогнуть. — Хотя, раз так любишь работать языком, то... на колени и за дело.

Разговор из спальни заставляет замереть и прислушаться. Но когда за ним следуют совершенно однозначные звуки глубокого дыхания, причмокиваний и тихих стонов, прихожу в себя и принимаюсь ликвидировать последствия небольшого ЧП.

Понятное дело, убрать свой запах мне не удастся. Джек, как оборотень, легко вычислит, что я у него была. Впрочем, уверена, он и сейчас меня ощущает, но, как обычно, игнорирует.

А вот осколки собрать нужно, чтобы никто не поранился. Как бы я не бесилась и не ревновала Торова, причинять боль ни ему, ни его пассиям, сменяющим друг друга, как дни недели, не хочу. Да и не могу.

Это против моей сущности. Я же – омега.

– М-ммм...

Мужской стон удовольствия бьет по нервным окончаниям, заставляя дернуться. Судя по довольным звукам, Торову и без моего подарка очень и очень хорошо.

А я, идиотка, которая вновь мечтала о невозможном.

Зато теперь получила хороший урок.

Злясь на себя, сильнее сжимаю кулак, забывая, что собирала в него острые осколки.

Боль от порезов оказывается удивительно жгучей. Тихонько вскрикиваю, но тотчас прикусываю губу. Прикрываю рот второй ладонью, чтобы больше не шуметь... но поздно.

Короткий шорох на втором этаже сменяет тихим топотом ног.

– Солана? Что ты здесь делаешь?

Прищуренный взгляд впивается в меня, как рентгенолуч.

Мой истинный стоит передо мной, отклонившись назад, сложив руки на груди и широко расставив ноги. В одних лишь низко сидящих на бедрах домашних штанах, совершенно ничего не скрывающих. От вида поджарого спортивного тела, широких плеч, узких бедер, рельефного живота, карих глаз и взъерошенных темно-русых волос моментально краснею. Сглатываю сухим горлом и отвожу глаза.

Матушка-Луна, разве можно быть таким совершенным?

И слепым одновременно?

– Забираю своё, – произношу негромко, пряча пораненную руку за спиной.

– В этом доме нет ничего твоего, – Джек подходит ближе, заставляя вскинуть голову.

И я уверена, что в этот момент он говорит о себе, а не о вещах.

– Ошибаешься, Торев, есть.

Вздергиваю подбородок, не собираясь мириться с его упорным недоверием.

– Есть, – повторяю еще раз.

– Джек, а это кто такая? – визгливый голос девицы, недавно стонавшей в спальне наверху, заставляет поморщиться.

– Просто знакомая.

– Его истинная.

Отвечаем мы с Торовым одновременно.

Глава 2

СОЛАНА – И что «просто знакомая» делает, стоя на четвереньках в ТВОЕЙ прихожей? – уточняет неугомонная блондинка, нагло игнорируя мой ответ. – Приходящей прислужкой подрабатывает? Полы за вознаграждение моет?

Сжимаю зубы, потому что рисковать и сжимать кулаки больше не хочется. Ладонку до сих пор печёт и дергает. Скорее всего, осколки, застрявшие в коже, не позволяют ей правильно регенерировать.

– Так отправь ее убирать спальню, мы же там чуть-чуть... пошалили и намусорили, – играет бровями визгливая выскочка и, глядя в упор на оборотня, беззастенчиво облизывает припухшие губы.

Морщусь. Вульгарная, наглая, одетая, как блудница из придорожного кафе. А Торову нравится.

Не понимаю.

Вот никак не понимаю, чем его такие как она цепляют? Признаю, человечка смазливую, длинноволосую, фигуристую. Но, богиня, я же тоже не уродка.

К сожалению, не настолько высокая, как эта дылда, и грудь маловата, опять же если с этой дамой сравнивать, ну, тощая еще...

Зато его истинная. А он сомневается.

Валит на то, что я – омега. Жемчужина матери-Луны, с особым ароматом, манящим всех оборотней без исключения. Вот и не верит мне, но я-то чувствую.

Я не просто ему подхожу, как любому другому. Я для него – идеальная. Потому что истинная. Я – Его.

А Он – мой. А не этой размалеванной куклы. И не Ситы, что была вчера, и не Тимазы с позавчера, и не Чайни, что посещала его, кажется, в понедельник. Хотя, могу путать. Даже с идеальной памятью двуликой в таком количестве бабочек-однодневок Торова легко можно запутаться.

– Кажется, ты спешила, Коди, – игнорируя вопрос, Джек подхватывает девушку под руку и тянет в сторону выхода, – на смену.

– Да не так чтобы очень... – блондиночка пытается тормозить, упирается каблуками в пол, но где силы слабой человечки и где оборотня. Да еще не простого, а привыкшего участвовать в боевых действиях. – Я бы кофе попила.

– Извини. Не держу дома этот дурно пахнущий порошок, – фыркает двуликий, обманывая ее прямо в глаза. Уж я-то точно знаю, что он без горького напитка и половины дня не проводит. Пьет литрами. Кофеман жуткий.

– Я и на чашку чая согласна.

– Заварка кончилась.

– Стакан воды...

– Все грязные.

– Я могу помыть, раз эта-а-а, – тянет зануда пискляво, кидая брезгливый взгляд в мою сторону, – не справляется.

– Коди, тебе пора, – пропуская воркующие заигрывания мимо ушей, Джек выставляет блондинку на порог.

– Но ты же мне позвонишь? – раздается перед тем, как дверь перед курносым носом захлопывается.

– Конечно, – очередная ложь легко срывается с губ Торова.

Кажется, он даже не особо вникает в вопрос.

Ну да, зачем ему это? Завтра же снова будет другая.

– У тебя нет ее номера, – хмыкаю.

Но моё мнение хозяина дома не интересует, зато:

– Что у тебя с рукой? – как куклу подхватывает подмышки и вздергивает, ставя на ноги.

– Показывай.

– Всё в порядке, – отнекиваюсь, пряча пострадавшую конечную за спиной.

Ну да, как я могла забыть, что его обоняние пропустит такой резкий запах?

– Солана, хватит капризничать и строить из себя ребенка. Мало того, что пришла в чужой дом без приглашения, намусорила, – поддевает ногой пропущенные мною пару осколков, – так еще и обиженку из себя строишь?

– Нет, Джек, не строю, – мотаю головой, прикусывая изнутри щеку, чтобы прогнать злые слезы, наворачивающиеся на глаза. – Прости, что побеспокоила. Я, честно, стучала, но дверь была приоткрыта. А сейчас уже ухожу.

– Конечно, Смит, уйдешь, но чуть позже. А сейчас... – передразнивает, – марш на кухню.

Заметив, что не двигаюсь, ловко сцапывает пострадавшую конечность, внимательно ее изучает и, нахмурившись, сам тянет в соседнее помещение.

– Ты в курсе, что у тебя стекла мешают регенерации? Еще минут десять протянешь и могут шрамы остаться.

– Пусть остаются, – совершенно не пугаюсь угрозы, – одним шрамом больше, одним меньше... какая разница.

– Ты о чем?

Двуликий даже останавливается, чтобы обернуться и настороженно изучить меня прищуренным взглядом.

– У тебя нет шрамов.

– Тебе-то откуда знать? – выдергиваю запястье из мягкого захвата, и сама направляюсь к мойке. Чем быстрее промою, тем быстрее он меня отпустит. – Что ты вообще обо мне знаешь, Торгов?

Качаю головой, понимая, что адресую вопрос в воздух. Потому что он по-любому поймет его по-своему.

– Тебя нашли в гнезде бандитов. Чокнутый докторишка собирался после твоей инициации выкачать всю кровь омеги для своих опытов. Мать и отец, биологические, от тебя отказались. Анила и Лин Фуры удочерили. Но фамилию дал Джейкоб Смит, наш альфа, твой названный дед. Поверь, я знаю достаточно.

– Ну да, точно, – фыркаю недовольно. – Сухие факты биографии.

Подставляю руку под упругую струю воды и бездумно отмечаю, как в слив вместе с осколками утекает и та самая ценная кровь, про которую только что упоминал мой истинный.

– Жаль, что тот профессор не успел сделать своё грязное дело, сейчас бы не мучилась, – в отчаянии бую себе под нос, потому что Торгов реально непробиваемый.

У него в голове не возникает понимания, что своими действиями он каждый раз не просто меня отталкивает, а как бродячего кутёнка тыкает и тыкает носом в самое гадкое, что может быть на свете.

А я терплю...

Проглатываю...

И терплю...

А нервы всё истончаются и истончаются...

И, кажется, предел уже подобрался...

– Ты совсем глупая? – Джек неожиданно резко дергает меня за локоть, заставляя развернуться, обхватывает щеки руками, давит, будто не понимает, что делает больно, и в глаза смотрит и смотрит, пытаясь в них что-то найти. – Чтобы я больше этой ереси никогда не слышал!

Рывкает так, что уши закладывает.

Хвост даю на отсечение, это первый раз в жизни, когда мы находимся так близко друг к другу. На расстоянии дыхания, когда в Его карих глазах мне удастся различить серо-зеленые звездочки.

– Поняла меня? – рыкает, опуская руки на плечи и встряхивая.

– Не переживай, больше не услышишь, – растягиваю кривоватую улыбку на подрагивающих губах. – И не увидишь.

Глава 3

СОЛАНА – Подарила?

Жани, любимая подружка, с которой мы прошли огонь, воду и один горшок в яслях на двоих, переворачивается на кровати, где, дожидаясь меня, валялась и читала книжку. И с интересом разглядывает мои пустые руки.

– Ага, что-то вроде того, – киваю задумчиво.

До сих пор не покидают ощущения горячих ладоней Торова, что касались запястья и лица.

Призрачные ожоги, оставленные истинным, будто невидимые татуировки, жгут кожу, доказывая: кому я принадлежу. И даже то, что планирую в скором времени предпринять, никак не изменит этого факта.

– погоди, ему что? Не понравилось?

Брови Вудовой взлетают вверх. Она скрещивает ноги, садясь поудобнее, облачивается лопатками о стену и притягивает к себе подушку.

– По запчастям, нет, – кривлю губы, припоминая с каким пренебрежением Джек откидывал разбросанные на полу осколки.

– Да быть того не может! Он же коллекционирует эти статуэтки, как и ты, – подружка кивает в сторону комода, где всё заставлено разноцветными фигурами волков, выполненных из разных видов материала. Из стекла, хрусталя, дерева, бронзы, серебра и керамики. Стоящих, лежащих, в прыжке, пригнувшихся перед броском, с оскаленной пастью и даже... в паре, когда смотрят друг на друга так, что сердце щемит.

И как никогда на меня не смотрит Торov, потому что я для него – не особенная! Так, одна из многих самок стаи. Чья значимость заключается лишь в том, что является внучкой вожака, пусть и не родной по крови, а еще омежкой, ценной особью, кого принято оберегать из-за удивительных свойств, подаренных богиней.

А вот он – крут. Правая рука и друг альфы, Джейкоба Смиа, его бета, член ближайшего круга контролера, отличный воин, сильный и бесстрашный. А еще удивительный красавчик и... невероятный кобель. Причем, это я не его волка имею ввиду, а именно самого Джека.

– Эй, погоди, как это – по запчастям? – хмурит темные брови Жани, – он, что же, твой подарок разбил? Совсем что ли муд...

– Я разбила, – перебиваю подругу. Зная ее взрывной характер, не мудрено, если она сейчас сорвется и побежит ругаться с Торовым. – Случайно обронила, когда услышала шум.

– Какой шум?

Открываю рот, но сказать не могу... так противно.

Морщу нос.

– Он дома не один был, – нахожу обтекаемый вариант.

Но Жани хватает и его.

– С очередной бабой мутил? Вот же кобель, – озвучивает мои же мысли. – Луна, сколько можно? Соль, что хочешь говори, но только совершенно чокнутый оборотень станет так больно ранить свою истинную. Нет, Торov – не просто дурак, а феерический долбоёб.

– Жани!

– Прости! Форменный идиот. Так лучше?

– Угу, – соглашаюсь и по привычке пытаюсь оправдать его поступок. – Он меня не признает, ты же в курсе. Я – для него только омега, раскидывающая свои притягательные флюиды направо и налево.

– Да ладно? Именно поэтому он никого к тебе не подпускает? А сам запрыгивает на каждую, готовую подставить свою жо... Прости еще раз!

Вудова замечает, как меня передёргивает, и закругляется.

– Что делать будем? – прищуривает она глаза и хитро приподнимает одну бровь.

Ну да, моя любимка – еще та оторва, ей палец в рот не клади, откусит всю руку.

Покажи я ей ту самую Коди и скажи, что это она – та мымра, из-за которой разбилась не просто баснословно дорогая статуэтка, а моя последняя хрупкая надежда наладить с Джеком отношения, она ее в лаваш раскатает и все космы повыдергивает. Вудова – танк, который, если надумал, то прёт, не замечая препятствий. И все мои обиды воспринимает, как свои личные.

Страшно вспомнить, скольких бабочек-однодневок Торона она разогнала. На руках и ногах пальцев не хватит. Вот только моему истинному всё равно. Он будто ничего странного не замечает и находит себе новых и новых самок. Двумиких и чисто двуногих, которым, как и ему, не нужны серьезные отношения. И коротает в их обществе вечера и ночи.

А я, как преданная истинная, сжимаю кулаки и терплю.

Терпела...

Больше не могу.

– Как на счет твоей идеи сбежать на учебу в академию – она еще в силе? – предлагаю решение, пришедшее в голову в доме Джека.

– Ого, – глаза Вудовой разгораются, как две звезды, – то есть, ты передумала оставаться в поселении и согласна ехать со мной?

– Согласна, – киваю решительно, сжимая ладошку в кулак. Ту самую, где шрамы затянулись, не оставив следа.

Жаль, что с ранами на сердце обстоит всё иначе. Они по-прежнему кровоточат, а после сегодняшнего даже сильнее и, кажется, зарубцуются еще нескоро. Именно про них я намекала истинному, но он, как обычно, всё свел к тому, что ему ближе.

Пусть. Раз я ему не нужна, больше не стану навязываться.

Отпущу его, как он желает.

Ухмыляюсь, проглатывая слезы, скопившиеся комом в горле. Я со своим влюбленным взглядом, наверное, жутко его замучила. Как там говорят: достала по гланды?

Что ж, теперь преподнесу именно тот подарок, который его действительно порадует – исчезну.

Пусть живет свободно.

Делает, что хочет.

Спит, с кем хочет.

И даже образует пару с той, которую посчитает достойной.

Я – пас.

Перегорела.

Нет, не разлюбила, это невозможно, но точно смирилась.

Сколько можно навязываться? От этого и он, и я устали.

Ну вот и отдохнем... надолго.

– А родители тебя отпустят? Уверена? – Жани мгновенно переключается, потому что сбежать в учебную академию – было её давней мечтой, но без меня она не хотела. А я... я тормозила из-за Джека.

А теперь тормозить не буду.

Хватит топтаться на одном месте, тем более там, где я – лишняя.

Пора идти дальше.

Вперед.

Без оглядки.

– О, тут я придумала. Деда подключу. Он не откажет, – киваю уверенно. – Как вернется из города, так сразу с ним и поговорю. А вдвоем мы мамулю быстро уболтаем.

– О, здорово! Если управимся в ближайшую неделю, то успеем подать документы и заселиться. Я смотрела, там так здорово. Уверена, что не пожалею.

– Согласна. Только по срокам... надо решить всё не за неделю, а за пару дней. Сегодня тут, завтра в стае отца. Окей?

Мысленно я уже пакую вещи, прикидывая, что стоит забрать с собой отсюда, что из дома родителей, а что оставить в прошлом. Может быть, насовсем. Это я на фигурки волков смотрю, которые стала коллекционировать после того, как узнала про хобби истинного.

– Даже так? Еще лучше! Я успею. Мне же собраться – только подпоясаться. А что по специальностям? Определилась?

– Там столько всего интересного, – отмахиваюсь, – что-нибудь обязательно да выберу, пока приемную комиссию будем проходить.

– Уверена?

Жани распахивает объятия, и я ныряю в них без раздумий. Сама себе завидую, что у меня есть такая подруга, которая всегда поддержит.

– Уверена!

– Плакать не будешь?

– Ни капли!

– И гори всё синим пламенем?

– Совершенно верно!

– Обожаю, Соль, когда ты такая боевая, а не грустная печалька.

– Ты же раньше говорила печальная грустинка, – фыркаю, всеми силами пытаюсь не думать, что своим решением оставляю за спиной.

И кого...

– Грустная печалька или печальная грустинка, какая разница? – подмигивает Жани. – Ты ж теперь будешь моей подружкой – веселушкой.

– Абсолютно так. Ты снова права!

Глава 4

СОЛАНА
Полгода спустя

– Привет, родная! Ну как? Можно поздравить с завершением первого семестра?

– Привет, Джейкоб. Можно! Всё сдано на отлично. Мы с Жани – обе молодцы, – улыбаюсь, глядя на деда через экран смартфона.

Да, потрудились мы с Вудовой действительно здорово, хотя не сказать, чтобы учеба совсем уж сильно нас напрягала. Когда учиться интересно, а вокруг столько нового и увлекательного, скучать не приходится.

А дни летят один за другим, только успевай отслеживать.

– Я и не сомневался, – кивает мой собеседник. – Тогда с меня подарок. Ты когда ко мне приедешь? Я соскучился.

– Э-э-э, я не приеду. Прости. Зимние каникулы короткие, и мы с девчонками решили отдохнуть в горнолыжном парке... в общем... не смогу, – тараторю, давно заготовленный ответ, – но тоже очень сильно по тебе скучаю, честно-честно.

Смягчаю ответ еще одной улыбкой.

Джейкоб рассматривает меня пару секунд.

– Солана.

– Да-а?

– Вы же будете с Жани аккуратными на горнолыжном курорте? И история месячной давности, когда вас обеих пришлось вывозить из полицейского участка, больше не повторится?

– Ну-у-у, дедуль, – надуваю губы, – ты же знаешь, мы были совершенно не виноваты. Тот продавец первый начал приставать с отвратительными намеками к нашей одногруппнице, а когда она стала от него отбиваться, подбросил ей в сумку дорогую вещь и обвинил в краже. Мы сами это видели, потому и вмешались.

– Это я понимаю. Но зачем было его калечить? – фыркает дед.

Нет, я конечно вижу, что он пытается казаться серьезным, но хитрые смешинки в глазах подмечаю. Классный он у меня. Всегда мою сторону занимает, пусть и делает вид, что строгий мужчина.

А еще знаю, что про эту проделку он родителям ни слова не сказал. Прикрывает от мамы, потому что та переживает и ищет любую возможность, чтобы вернуть меня назад. В северо-западный предел, где территориями заведует мой отец.

А я не хочу возвращаться. Сопровствляюсь. Мне тут, на юго-западе... нормально. Потому что ОН далеко. И все его выходки от меня тоже далеко. Я просто знаю, чувствую, что ОН жив и здоров. И этим утешаюсь.

– Извини, мы немножко увлеклись, дедуль, – растягиваю на губах заискивающую улыбку, потому что действительно слегка перестарались в воспитательных целях.

И пусть не я сама, а моя любимка. Это она у нас – боевая пехота, а я так, на подтанцовке больше. Могу поругаться, позубоскалить, а драчуня из меня аховая, потому что слабачка. Но отвечать готова за обеих.

– Мы хотели этого Сумова проучить, чтобы он не тянул свои потные и отвратительно-мерзкие конечности в сторону беззащитных девичьих прелестей.

– Да понял я, – хмыкает дед, – но в следующий раз постарайтесь не ломать мужикам руки. Вы же девочки.

– Обещаю, дедуль.

Прикладываю ладошку к груди, посылаю звонкий воздушный поцелуй и отключаю связь.

– Ты уверена, Соль? – Жани, всё это время находящаяся в комнате, но стоящая так, чтобы ее не было видно, плюхается рядом со мной на кровать. – Мы же только на два дня едем в горы. А каникулы длятся целых две недели. Успели бы мотануться...

– Уверена, я не поеду. А вот ты вполне можешь встретить Новый год в кругу семьи и...

– Даже не надейся, что я тебя оставлю одну, – фыркает любимка, – мы же банда, так?

Раскидывает руки в стороны, приглашая в объятия.

– Так, – поддаюсь и обнимаю ее в ответ.

– Значит, будем отмечать праздник здесь. Уверена, найдем, чем заняться, – подмигивает.

– Согласна, – киваю без сомнений. – Только надо постараться без полиции.

Кривлю нос, намекая на разговор с дедом.

Там, где Вудова, скучно никогда не бывает. Хотя не только к ней, но и ко мне вечно какие-то приключения притягиваются.

Год спустя

– Привет, родная! Первый курс позади?

– Привет, Джейкоб! Точно так, – улыбаюсь, разглядывая через экран очень красивого оборотня, каким является мой дед.

Он – контролер, карающий меч самой богини, матушки-Луны, а еще очень справедливый и отзывчивый двуликий, которого многие уважают за силу, добропорядочность и неподкупность.

– Смотри, у меня только высшие баллы, – дотягиваюсь до зачетки, лежащей на столе, раскрываю и демонстрирую свои оценки.

– Умница, я тобой горжусь. Но ты же захватишь ее, когда приедешь? Хочу и в руках такую замечательную вещь подержать.

– Прости, дедуль, в твоё поселение я не приеду... – прикусываю губу и чуть жмурюсь, – буду все лето жить у родителей. Очень по маме и сестренке соскучилась. Нет, по тебе тоже безумно сильно, но... Ты же сможешь сам навестить меня в папином пределе?

– Солана, милая... дай ему время, – голос деда звучит мягко, а взгляд полон теплоты и сочувствия.

Моргаю раз, другой.

– Ты...

Хочется спросить: «... о чем?», но понимаю, как это будет глупо выглядеть.

Не может альфа быть слепым. Конечно же он заметил, какие круги, проживая в его тайном поселении, я наматывала вокруг Торова, пусть никому кроме Жани и самого Джека никогда не говорила, что он – мой истинный.

– Догадался, да. И никому не рассказывал, – добавляет Джейкоб прежде, чем спешу задать ему этот вопрос.

Не хочу, чтобы родные знали. И переживали. И смотрели мне в спину, как на побитую собачку. Это только моя боль.

Сама справлюсь.

– Значит, ты не обидишься, если я не навещу тебя лично. Я... правда, дедуль, не могу...

Складываю ладошки в просительном жесте.

– Не обижусь, родная. Не волнуйся. Однако, переживаю, что никак не выходит подтолкнуть этого твердолобого упрямяца перестать делать глупости.

– Подтолкнуть? Хочешь сказать: заставить? – дергаюсь вперед, чуть не роняя из рук телефон. – Нет, деда! Не вздумай вмешиваться. Мне ничего от него через силу не нужно, слышишь? Я запрещаю!

Одолевает желание топнуть ногой, пусть я и сижу на кровати, но собеседник качает головой:

– Я не совсем об этом, Солана. Там немного сложная ситуация.

Вся превращаюсь во внимание, уж очень интересно всё, что касается истинного, но забываю, что альфа Смит – не тот вожак, который станет раскрывать тайны своих собратьев.

– Знаешь, милая, я уверен, со временем всё наладится, – произносит он с теплой улыбкой без какой-либо конкретики, – и то, что должно произойти, непременно произойдет.

Мысленно разочарованно стону.

Но, чтобы не огорчать собеседника, растягиваю губы:

– Я тоже так думаю.

А изнутри до резкой боли прикусываю щеку, чтобы не расплакаться.

Не верю я, что Джек передумает. Слишком категоричен он был, когда доказывал мне, что я – обычная. Одна – среди многих.

– И вообще, – добавляю с переливающимся через край энтузиазмом, – может, мне другой истинный скоро встретится. Тот, который почувствует во мне и Рами свою пару, и не станет... дичиться.

Сомневаюсь.

Вздыхает моя волчица, откликнувшись на собственное имя.

Да и не нужен нам с тобой другой.

Добавляет грустно.

Я тоже сомневаюсь, Рами. Но уж лучше думать так, чем жить, зная, что ничего хорошего уже не будет.

– И по поводу того профессора-взяточника по высшей математике, – отвлекает Джейкоб от грустных мыслей, включая режим властного альфы, – вы с Жани, конечно, молодцы, что вывели его на чистую воду, но, расклеивая по всему студгородку объявления о его «подвигах», слегка перестарались. Не находишь?

– Ну, дедуль, – хмрю брови, моментально занимая оборонительную сторону, – так бы администрация могла замять дело, и «героя» никто не узнал бы в лицо. А благодаря нам, теперь все в курсе, что Той Выбуев – вымогатель и шантажист. Ты же видел доказательства, что он специально заваливал сильных студентов, только бы вытащить и из них всё до последнего? Из-за этого нахала три девочки, очень к слову умненькие, но бюджетницы, написали заявления на отчисление, потому что не смогли потянуть такие расходы...

– Тише-тише, защитница моя, – вскидывает дед руки вверх, притворно прячась, – я понял, что вы за лигу справедливости. Поэтому и в администрации академии вопрос о вашем с Жани вандализме замял, и с органами правопорядка проблему урегулировал.

– И маме не сказал? – прищуриваюсь.

– Не сказал. Но в следующий раз будьте с Вудовой хитрее, когда станете закидывать городок листовками, не попадайтесь на камеры, чтобы Вас не могли распознать.

– Ты хотел сказать, ведите себя, как примерные девочки? – улыбаюсь широко и искренне.

Обожаю деда. Моего самого ярого защитника. Нет, папуля – тоже у меня классный, как и мама, но так уж повелось, что все наши с Жани проколы прикрывает именно контролер Смит. Хорошо прикрывает. Надежно.

– А разве я не так сказал? – подмигивает дедуля, и на этой позитивной ноте мы с ним прощаемся.

Глава 5

СОЛАНА Полтора года спустя

– Деда, привет. Как дела? – тараторю в трубку, как только улавливаю глухой щелчок соединения.

Меня лихорадит так, что телефон, того гляди, выпрыгнет из дрожащих рук. Поэтому для надежности сжимаю его обеими вспотевшими ладошками, да покрепче. И одновременно всей своей мелкой массой налегаю на дверь, в которую уже минуты три раздаются мощные удары достаточно увесистой мужской лапищи. И всё это под сотрясающие здание туц-туц-туц-биты, долетающие с первого этажа танцпола, и отборный мат двуногого урода, пытающегося прорваться внутрь небольшой комнатки.

За спиной дверное полотно скрипит и ходит ходуном все сильнее. Зажмуриваюсь и прикусываю трясущуюся губу, не зная, что случится быстрее. Разлетится защелка личины, отвалится петля, или само полотно треснет, поскольку оно лишь зрительно напоминает цельное дерево, а по факту оказывается фанеркой эконом-класса.

Страшно.

Матушка-Луна, как же мне страшно. И не столько за себя, сколько за Жани, которая уже минут пятнадцать находится в отключке на диване и никак не приходит в себя. Ни стакан воды, опрокинутый на лицо, ни легкие пощечины, ни тряска и слезные просьбы очнуться и сказать хоть слово никак на нее не действуют. И это пугает. Она словно неживая, но дышит.

Сходили называется в клуб, отдохнули. Да чтоб он сгорел вместе с хозяевами, пропускающими в заведение таких сволочей, которые девчонкам в коктейли какую-то гадость подсыпают, а после наверх затаскивают и... и ничего хорошего с ними не делают, судя по обстановке комнаты и видеоборудованию...

До сих пор пребываю в шоке, как умудрилась обхитрить мерзавца, закинувшего Вудову на плечо и принесшего сюда, пока я на пару минут отлучалась в уборную. Хорошо, нашла их по запаху. Иначе кошмар! Проскочила у шакала буквально под носом, ляпнула какую-то ерунду про официанта и вытолкала его за дверь, а после ту захлопнула, и провернула торчащий в личине ключ.

Верила в чудо. Что Жани очнется. Что гад уйдет, обломавшись. Что охрана, контролирующая видеонаблюдение, заметит неладное и придет на помощь.

Фиг!

Владельцы этого увеселительного места явно в курсе творящегося под носом произвола. А, может, еще и в доле. Потому что столько камер, сколько я насчитала, пока осматривалась, не наблюдала очень давно. У дедули и то меньше. Да толку от них ноль. Вот тебе и дорогой клуб в центре города, а выходит, что здесь опаснее, чем в любой тухлой забегаловке на окраине.

– Привет, родная. Всё хорошо, – звучит привычно спокойный голос Джейкоба Смита.

Протяжно выдыхаю и на секунду прикрываю глаза. Стараюсь расслабиться, поймать его неиссякаемую уверенность в собственных силах и побороть панику.

– А ты веселишься?

Кривлюсь. Держать хорошую мину при плохой игре получается ужасно, и я сдаюсь. Надо спасать любимку. Везти к врачам или делать что-то еще, но главное, не попадаться в руки этим бандюганам.

– Уже нет, – признаю проблему. – Деда, у нас беда, помощи.

От очередной серии ударов на глазах прорезаются слезы. Чтобы не заплакать от бессилия и страха, который сжирает меня изнутри, быстро и сильно прикусываю кожу на большом пальце, а дальше на одном дыхании выпаливаю всё, что успело произойти.

Джейкоб слушает внимательно. Не перебивает. А дальше просит дать пару минут и отключается. За что обожаю своего старшего родственника, он всегда знает, что предпринять и как. И никогда не бросает слов на ветер.

Он у меня – настоящий мужчина.

– Солана, милая, – звонок от него раздается четко через сто двадцать секунд, – помощь будет через пятнадцать минут. Постарайся продержаться. Не вешай трубку, говори со мной. Договорились?

Дед ведет разговор все так же спокойно. Расспрашивает о том, как выглядит Жани, сколько глотков странного коктейля она сделала, и просит описать, что есть в комнате, где мы прячемся. А, услышав про комод, заставляет включить громкую связь и постараться передвинуть мебель к двери, чтобы создать дополнительную преграду.

Делаю все, что мне говорят. Концентрируюсь только на дедушке и его речи. И вздрагиваю всем телом, когда Рами, а следом и я сама ощущаем того близкого, по кому полтора года непрерывно томилось сердце, болело и плакало, и не чаяло встречи.

Истинный. Мой.

Тут. Пришел. Совсем рядом.

– Джейкоб, ты послал Джека? – спрашиваю прерывающимся от волнения голосом, различая, как за дверью начинается твориться что-то невообразимое.

Визг, рык, грохот и...

Матушка-Луна, уже не столько дверь грозит разлететься на части, сколько сами стены порушиться. Под ударами силачей все дрожит и стонет.

А меня снова трясет. Только уже не от страха за нас с Жани, а от предстоящей встречи.

Неужели я увижу его? Родного, близкого, желанного.

Или вновь холодного, чужого, безразличного?

Как же сложно. Как страшно.

Ураган внутри. На части разрывает. И подкидывает сильнее, когда дед подтверждает:

– Да, милая. Торгов был в городе. И выдвинулся в вашу сторону сразу, как я попросил о помощи.

Следующие минуты – какой-то туман.

Прозреваю, лишь встретившись с карими глазами своей пары. Вздурораженными, горящими диким огнем сражения, пылающими жаждой убийства и... слегка гаснущими, стоит заметить меня.

Истинный.

Выдыхает Рами.

– Джек, – произношу вслух, протягивая руку, и отшатываюсь назад.

Запах секса, запах чужой женщины на Торове, резкий и отчетливый, словно кувалда, бьет под дых. Крошит в щепки всё радостное и пылкое, что зародилось, пока я ожидала этой встречи.

Наивная Солана получает очередной урок.

Усмехаюсь совсем невесело и, сжав до боли в деснах зубы, поглубже внутрь заталкиваю всю боль, что кромсает сердце в кровавые ошметки.

Благодарность же из уст звучит удивительно ровно, наверное, потому что душа вновь леденеет, как и стынет в жилах кровь, которой больше нет смысла бежать быстрее и разносить по капиллярам радость и счастье.

Более-менее в себя прихожу, когда Джек, доставив нас в больницу, уезжает. Это я его прошу об этом. Потому что не могу находиться с ним рядом. Задыхаюсь.

Кажется, он понимает причину самостоятельно. Хотя я не объясняю. А он не спрашивает.

Зачем нам эти разговоры?

Совсем ни к чему.

Мы – действительно чужие. Торговцев прав.

А я и Рами... то, что мы испытываем с волчицей, похоже, это какой-то дурацкий сбой. Ошибка природы.

Главное, чтобы когда-нибудь болезнь истинности прошла. Или я просто бы разучилась чувствовать.

Через день, когда Жани полностью восстанавливается, мы возвращаемся в академию.

Глава 6

*СОЛАНА
Шесть лет спустя*

– Д-деда, п-привет.

Стараюсь говорить ровно, давлю страх и суетливость, выворачивающие внутренности наизнанку, но голос все равно рвется, и слова выходят с запинками.

Сама виновата. Наревелась. Напсиховалась, пока всю ночь не могла сомкнуть глаз. Теперь ловлю отдачу.

– Привет, родная.

Джейкоб отвечает практически сразу. Хотя я после разговора с Анилой переживала, что трубку он не возьмет.

– Прости, что беспокою... – прикрываю динамик рукой и, хлопнув носом, чтобы хоть немного дышал, продолжаю, – мама сказала, ты уехал по делам... и очень важно, чтобы тебя никто не отвлекал... а я... я...

– Солана, рассказывай.

Не удивляюсь, когда Джейкоб привычно обрывает поток ненужных слов, которыми я пытаюсь отсрочить неизбежное, и просит говорить по делу.

Мысленно скрещиваю пальцы на удачу. Дедуля – молодец, он обязательно поможет. Спасет мою любимку и вернет ее назад. И, подавив накатывающую волнами панику, тараторю:

– У нас проблемы.

А дальше, будто шарик протыкают, из меня выливается всё то, что произошло за последние две недели, и сводится оно к следующему...

Мы с Жани после тренировки натолкнулись в спортивной душевой на Изу Багриеву. Оборотница-второкурсница пряталась от одного придурка-мажора, не дававшего ей прохода и наседавшего до такой степени, что у той истерики приключилась.

И причины для истерики заставили волосы на голове шевелиться. Оказалось, что небольшая группа студентов из числа сыночков элитных семейств заскучала и, чтобы скрасить серые будни учебы, организовала на территории академгородка тайный клуб. Зажравшиеся мажоры не придумали ничего лучше, чем разнообразить свою жизнь, ломая ее другим.

Для этих целей каждый семестр среди первокурсниц они выбирали несколько оборотниц и наблюдали за ними, старались узнать получше. Время от времени прощупывали их с помощью подкатов и подначек, устраивали ловушки и наезды со стороны других студентов, старались подружиться, якобы защитить и влюбить в себя. Предпочтение отдавали одиночкам и тем, пропажа кого не стала бы большой проблемой.

А дальше девочки исчезали.

Бесследно.

Именно так в марте прошлого года пропала оборотница по имени Тарка. Как раз соседка и одноклассница Изы. Багриева стала ее искать самостоятельно, позже подняла на уши весь студгородок. Заверяла, что подруга не могла сбежать, не предупредив ее заранее. Они дружили с детства и были почти сестрами, не разлей вода.

Руководство академии никак не среагировало. Подумаешь, юной девчонке надоело учиться. Или деньги кончились. Или замуж решила выскочить. Да мало ли причин?

Молодая же. Значит, в голове ветер.

Но Иза упорствовала и не сдавалась. Однако, не повезло. Никто не поддержал.

Тарка дала о себе знать спустя несколько месяцев. Она не вернулась назад в академию, побоявшись, что уже не выживет, если пересечется с похитившими ее мажорами. Но по телефону предупредила Изу о том, что случилось на самом деле, и кто был замешан. Назвала имена

подонков-наильников, отвезших ее в лес и издевавшихся несколько суток, и попросила почти-сестру быть осмотнительней и ни во что не лезть.

Багриева согласилась. Вела себя тихо и неприметно, о поисках не вспоминала. Отлично закончила первый курс и спокойно уехала на каникулы. Думала, все в прошлом. Однако, это ее не защитило. В середине сентября мажоры выбрали ее новой жертвой, стали приставать.

Иза плачевность ситуации просчитала сразу. В одном из самых настойчивых своих поклонников узнала наильника Тарки. Девчонка оказалась умной, решила самостоятельно предотвратить катастрофу и подала заявление на отчисление, но... его сначала потеряли, а потом отклонили.

Хотела уехать, но украли все деньги и карты. Дальше пошли неполадки со связью. И всё это в итоге вылилось в нервный срыв, который мы с Жани случайно застали.

Разве ж можно было пройти мимо чужой беды?

Конечно, нет.

Мы не смогли. Багриеву в тот вечер от мажора прикрыли. А после состоялась многочасовая беседа. И в день «Икс», когда Изу похищали, ее заменила моя любимка. Помогло внешнее сходство.

А дальше удача от нас отвернулась.

Мы с Вудовой рассчитывали, что богачи-извращенцы, увидев кого воруют, передумают и отступят. В студгородке все знают чьи мы с Жани дочери, и чей клан стоит за нашими спинами. Связываться со стаей северо-западного предела – чревато нешуточными последствиями. Смертельными. Всё без шуток.

Но просчитались.

Жани не отпустили, затолкали в машину и увезли в неизвестном направлении. Я не успела помешать. Лишь запомнила марку, цвет и номер транспорта.

И вот теперь выходит, моя любимая подружка находится в руках безумцев, в чьих головах кроме жажды насилия и больных фантазий больше ничего нет, а я, как идиотка, ничем не могу ей помочь.

Понимание собственной беспомощности выкручивает суставы и ломает кости, рвет душу и коржит.

– Я все понял, Соль, – произносит Джейкоб, когда я замолкаю, а дальше дает четкие указания. – Оставайся пока в академгородке, сама никуда не суйся. Сиди тихо. Не шуми. Как только узнаю что-то новое, сразу тебя наберу. Обещаешь?

– Конечно, деда. Обещаю.

Киваю, пусть он меня не видит. И сжимаю кулачки, потому что очень-очень хочется помочь. Но... раз даю слово, буду выполнять, чтобы не помешать тем, кто в поисках разбирается лучше меня. И, что самое важное, не навредить глупыми поступками подруге.

– Солана, мы вытащим Жани, – добавляет Джейкоб, услышав мое учащенное дыхание, – обещаю держать тебя в курсе.

Желаю ему удачи и все последующие бесконечные часы непрестанно молюсь матушке-Луне, чтобы она подсказала путь, чтобы защитила мою любимку, чтобы была справедлива.

К вечеру узнаю, что операция по спасению завершилась. Но Жани в больнице, как и человеческая девушка, которую тоже нашли в том месте. От новых вводных спокойнее не становится. Чувствую, многое не договаривают. Вновь сижу и чего-то жду, потому сон – это что-то запредельное...

А практически в полночь в дверь раздается уверенный стук. Властный, нетерпеливый, настойчивый.

Замираю, сжавшись в клубок на кровати, и не моргая, медитирую деревянное полотно, практически видя через него...

... потому что знаю, кто стоит за ним.

Джек Торгов.

И Он знает, что я знаю.

Столько лет прошло... и всё напрасно.

Моя истинность осталась со мной. Как не старалась, я не смогла забыть этого оборотня. Избегала, пряталась, отказывалась от поездок к деду, пропускала семейные праздники, где мог быть он...

... и всё оказалось напрасно.

Я по-прежнему чувствую его, как саму себя.

Рами чувствует его волка и бьется в груди... страдает, рвется бежать навстречу, и пугается ее же.

– Солана, открывай, я не уйду.

Любимый голос бьет по оголенным нервам наотмашь. Действует на подсознание чёртовой магией, запрещая сопротивляться.

Матушка-Луна, зачем же ты так издеваешься? Почему не рвешь эту связь, если видишь, что она нас ломает. Меня ломает.

Задаю вопрос в никуда, и сама не замечаю, как подхожу к двери. Упираюсь в нее лбом и ладошками. Знаю, чувствую, что и он касается ее там... снаружи. Стоит, практически копируя мою позу... и тоже нервничает.

Как же всё сложно...

Надрывно...

Без анестезии...

– Открывай, маленькая. Пожалуйста...

Не приказ, просьба. Тихая, тоскливая, бередящая душу.

Опускаю руку, скольжу подушечками пальцев по дверному полотну, касаюсь холодного металла запора и отщелкиваю рычаг...

Выбор без выбора...

Глава 7

СОЛАНА Может ли идеальный мужчина быть еще более идеальным?

Смешной вопрос, но мне не весело.

Во все глаза гляжу на истинного и люблюсь каждой его черточкой. Острой линией скул, плотно сомкнутыми губами, короткой бородкой.

Раньше он всегда гладко брился, хотя под вечер его щеки неизменно отливали синевой. Даже не касаясь, я легко представляла, как станет она колоть нежную кожу ладони, если приложить руку. О, матушка-Луна, как же часто я себе представляла такие моменты, забавляя тебя своими мыслями и мечтами.

А с какой любовью и наслаждением всё в тех же видениях я зарывалась пальцами в темно-русые волосы, чтобы их взъерошить и проверить на мягкость. Теперь же и прическа претерпела изменения. Стала более короткой, дерзкой, сохранив от прежнего Джека всего лишь более длинную челку.

Избегая встречи с карими глазами, в которых, как я отлично помню, однажды сумела разглядеть серо-зеленые звездочки, скольжу взглядом по шее к плечам и останавливаюсь на уровне солнечного сплетения, не рискуя спускаться ниже. Мне и того, что увидела, достаточно для понимания. Торov изменился физически. Стал шире в плечах, раздался, раскачался и будто заматерел.

– Я войду.

Мужчина не спрашивает разрешения. Ставит в известность и тут же делает шаг вперед.

Я же, замороженная переливом его низкого приятного голоса, бархоткой пробегающим вдоль позвоночника, реагирую замедленно. Успеваю лишь вскинуть голову и...

Серо-зеленые звездочки. Я вновь их вижу. Они прекрасны и непохожи рисунком. В левом глазу более округлой формы, а в правом растянутая, с острыми уголками. Они манят, чаруют и утягивают провалиться в них поглубже.

Обоняния касается пряный запах разгоряченного тела с утонченным сочетанием терпких нот кедра и мускатного шалфея. Аромат моего истинного. Чистый, неиспорченный никем больше.

Как же это приятно. По телу пробегает теплая волна дрожи, будоражит сердце, кружит голову, окутывает мысли словно ватой.

– Эй, ты чего? А ну-ка, стой.

Крепкие руки истинного ловят, когда меня ведет в сторону. Хорошо ведет. Колени подгибаются и сознание на пару мгновений смазывается, расфокусируется и теряет ориентиры.

Секунда в невесомости, и вот она – опора. Меня прижимают к гранитной груди. Для надежности обнимая обеими руками.

– Солана, девочка, ты сколько уже не спала? Сутки? Двое? Трое? – закидывает Джек необычными вопросами.

Нет, не так. Вопросы-то вполне обычные, но поведение двуликого – нет. Оно не стандартное. Словно он сильно волнуется. Да вообще волнуется! Обо мне.

Как?

Неужели?

– Всё-таки довела себя до нервного истощения, как я и думал.

Ворчащий Торov – это безумно странно.

– Что с тобой случилось? – не отвечая на его вопросы, еще успею, решаюсь задать свои, потому что сомнения и робкая надежда, что моя пара меня признала, вновь поднимают голову.

– Куда ты дел того Джека, который меня ненавидел и всячески обижал?

– Я не обижал, маленькая, и уж точно не ненавидел, просто как мог, держался подальше, – произносит он в ответ и одновременно подхватывает на руки, ногой с довольно ощутимым хлопком закрывая дверь. – Я всё тот же. Прежний. Плохой Джек.

Доносит до кровати, опускает.

Не отпускаю я.

Обхватываю мощную шею.

– Неправда, – спешу его переубедить. – Раньше тебе было наплевать на меня, а теперь...

– Мне никогда не было плевать, – перебивает резко, сверкая глазами. – Просто раньше я точно знал, что с тобой всё в порядке. Но в последние дни это чувство стало слишком зыбким.

– Знал? – цепляюсь за слово.

Очень важное слово. Говорящее.

Если Джек «знал», что со мной всё в порядке, а теперь стал сомневаться...

– Ты – мой истинный? – дергаю его за ворот рубашки, который сжимаю в кулаках.

Сердце от волнения берет такой нещадный забег, что в груди не просто колет, колошматит на разрыв.

– Ответь!

Молчит.

– Торов! – еще рывок. – Ты – мой истинный? Правильно?

Ловлю его взгляд, но он отводит. Тогда обхватываю обеими ладонями заросшее щетиной лицо и с силой, пусть незначительной, но всей, что располагаю, заставляю смотреть на себя.

– Пожалуйста, скажи, что я не сошла с ума. И ты – мой истинный. Пожалуйста-а...

Если захочет, умолять буду.

Но мне нужно знать.

НУЖНО.

– Солана, не плачь, – со стоном сжимает мои щеки и большими пальцами стирает мокрые дорожки.

Слезы.

Да, кажется, я реву. Но разве это важно, когда так заботит совершенно иное.

– Джек, я – твоя пара?

Молчит. Смотрит, не мигая, глаза в глаза, и молчит.

А я боль в груди чувствую. И не только в своей, но и в его. Дерет она нас обоих на части, рвет на живую. Потрошит.

– Пожалуйста, скажи, – одними губами.

Зажмуривается. Запрокидывает голову вверх. Натягивается, как звонкая струна, что готова лопнуть в один момент. Выпускает сквозь сжатые зубы воздух.

Вижу, как его потряхивает, как на лице перекатываются желваки, как напрягается шея, как бугрятся мышцы, когда он сжимает руки в кулаки.

– Дже-е-ек...

Смаргиваю, когда пелена перед глазами становится слишком густой, и врезаюсь в широкую грудь, когда меня с силой в нее вдавливают.

– Моя, – шепот в волосы кажется игрой рассудка. Желанной, но обманчивой. Слишком сладкое слово мне слышится, – моя, Солана. Ты – моя, – повторяет чуть громче.

Не успевает душа воспарить, а сердце возликовать, как следует продолжение, которое разбивает мой хрупкий рай на части.

– Но я – не твой. Прости, маленькая.

Хочется закричать. Завизжать. Начать драться и крушить все вокруг. Впервые моя созидательная часть – омежка – отступает, сраженная наповал какой-то дурацкой правдой, что не укладывается в голове.

Я больше не хочу и не могу быть тихой, доброй Соланой. Если не выплесну всю боль и отчаяние, меня разорвет на части.

– Я. НЕ ТВОЙ.

Торов будто чувствует тот вулкан, что закипает внутри меня, и подталкивает его ко взрыву. Меня ко взрыву.

– Не твой, – качает головой, глядя в глаза.

И мне чудится невозможное.

Будто видеть всё четко мешает не только соленая вода в моих глазах, но и пелена в его.

– Нет! Неправда! Мой! Мой! Мой!

Истерика вместе со слезами и криками выплескивается через край. Я впервые поднимаю руку на живое существо и бью Джека. По плечам, по груди, по рукам. Куда придется. Повторяя и повторяя единственно правильное: «Мой!»

Резкий взрыв также быстро гаснет. Выдыхаюсь за минуту или две. Даже на хороший скандал нет мочи. Ослабла в конец.

Прав Торов. Я и до него успела измотать себе нервы, истратила все силы под чистую. Сейчас вообще словно тряпка.

– Сколько дней ты не спишь?

Вместо того, чтобы меня отстранить и одернуть, Джек крепче прижимает к себе, зарывается пальцами в растрепанные волосы и массирует затылок.

– Сегодня третья ночь, – шепчу, утыкаясь носом во впадинку между его плечом и шеей.

Кедр и шалфей, пытаюсь надышаться. Млею.

Несмотря ни на что, окунаюсь в свой личный рай.

– Не могу отключиться. Не получается, – поясняю, ощущая легкий звон в ушах. – Много мыслей...

Так много, что кажется, скоро голова лопнет.

Добавляю про себя.

– Я заберу их себе, а ты отдохнешь, – произносит Джек уверенно, считывая даже то, о чем не говорю вслух.

Снимает меня с колен, не помню, как на них забралась. Укладывает на кровать, подхватывает из кресла плед и накрывает им сверху. Хочу сказать, что это не поможет. Уже пробовала и лежать, и медитировать, и изматывать себя хождением.

Но Торов скидывает обувь и ложится рядом. В одежде, как есть.

– Иди сюда, – вытягивает руку, предлагая использовать своё плечо вместо подушки.

Не раздумываю. Подползаю и прислоняюсь спиной к его груди, всем телом ощущая мощь, что теперь точно не даст в обиду. Вдыхаю любимый аромат, прикрываю веки и, наверное, впервые в жизни чувствую свою целостность.

– Сбежишь, когда буду спать? – уточняю, когда его правая рука накрывает мою, покоящуюся на животе, и сжимает, переплетая пальцы.

– Не сбегу.

Теплое дыхание щекочет макушку.

– Обещаешь? – еле ворочаю языком.

– Обещаю.

– Расскажешь мне всё?

Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста...

Молю, переставая дышать, чтобы не прослушать ответ.

– Спи, маленькая... – пауза – протяжный выдох – пауза, – расскажу...

Сердце вновь начинает биться.

Впервые я сплю в одной кровати с мужчиной. Своим мужчиной, чтобы он не говорил. И впервые мысленно шантажирую богиню, уговаривая ее дать мне шанс на счастье с истинным, не важно, какие испытания при этом придется пройти.

Один-единственный шанс.

Глава 8

ДЖЕК

Солана спит беспокойно. То и дело вздрагивает всем телом. Под тонкой кожей век периодически бегают зрачки, а темные густые реснички непрерывно порхают.

Шесть раз до рассвета ее дыхание срывается, то учащаясь, то на пару мгновений замирая. И я замираю вместе с ним в эти моменты. Поглаживаю ее по узкой спине или острому плечу, касаюсь губами светлых волос, удивительно красивых, с легким медовым оттенком, почти беззвучно шепчу, пытаюсь донести, что она в безопасности. Как и Жани, волнения за которую не отпускают ее ни на минуту.

Не знаю, помогает ли моё присутствие, но очень хочется верить, что да. Её страдания полосуют душу, заставляя ту кровоточить и болезненно трепыхаться, хотя...

Она уже давно и основательно разодрана в клочья.

Не душа – одни ошметки.

Осколки с того момента, как я впервые увидел новорожденную кроху на руках Анилы. Свою безумно красивую девочку. Когда почувствовал в сделавшей свой первый в жизни оборот волчице пару. Истинную. Родную. Единственную. Ненаглядную.

Увидел и содрогнулся от понимания, что вместе быть – не судьба.

Может, стоило еще тогда сдохнуть? Отправиться на очередное задание, чтобы заработать деньги Дархе, или ввязаться в кровопролитную бойню по отстаиванию интересов богини-Луны и... поддаться врагам. Чуть медленнее среагировать на атаку, пропустить пулю, не до конца вывернуть шею и разрешить в схватке разодрать себе горло.

Исчез бы с лица земли, и ладно. Зато не дошло бы всё до такого кошмара, когда и Солана непрерывно страдает, и я на стены лезу от невозможности что-то исправить.

Легко сказать – подставиться и погибнуть, а сделать невозможно.

Не потому, что трус и слабак. Нет. Риск – уже давно стал частью меня. Еще раньше, чем появилась на свет та, которой я уже не ждал.

Невозможно сделать, потому что истинная при каждой встрече, даже когда ей был всего годик, уже смотрела так, что внутри все переворачивалось. Не просто в глаза заглядывала, в самую душу зрила. Будто чувствовала черные мысли, бродящие в беспокойной голове, и заранее умоляла себя беречь. Будто предупреждала, что уйдет вслед за мной, если сделаю глупость.

Разве ж стоит сердечко самой лучшей девушки на свете того, чтобы перестать биться?

Нет. Ни за что.

Рисковать я могу собой, а ей – никогда.

Хмыкаю безрадостно и слегка меняю положение тела. Откидываюсь на спину и разглядываю темно-серый потолок, где предрассветные тени перетекают из одной абстрактной мазни в другую. Сжимаю и разжимаю кулак той руки, на которой лежит моя голубоглазка, и тихо выдыхаю.

Кисть занемела, пальцев почти не чувствую, но я лучше себе ее отгрызу, чем побеспокою свою красивую, прижавшуюся носиком к шее и тихонько сопящую.

Она невероятная. А аромат как у самой настоящей дикой малины. Сладкий, но в то же время свежий и терпкий.

Крок, ты – настоящий романтик, но я с тобой совершенно согласен, – поддакиваю волку. – Она манит и очаровывает, навсегда погружая в свой плен.

Потому что многогранная и удивительно чувственная.

Потому что наша.

А жизнь – злодейка.

Философствуем мы со зверем на пару.

Только мать-Луна знает, сколько таких бессонных ночей было в моей жизни, когда вместо отдыха мы с Кроком предавались мечтам о своей девочке. Фантазировали, представляли, делились идеями и изобретали невероятные способы решения нерешаемой головоломки.

А реальность оказалась намного круче.

И безумно хочется остановить время. Пожелать, чтобы ночь не кончалась, а моя девочка продолжала нежиться у меня под боком. Хрупкая, ранимая, безумно добрая и доверчивая.

Может, все же стоит еще раз поговорить с Дархой?

Предлагает Крок, переступая лапами и никак не находя места, чтобы устроиться поудобнее.

А толку? Мы с ней всё обсуждали. И намеками, и открытым текстом. Не сотню, но раз двадцать за эти шестьдесят девять лет точно. Да кому я рассказываю? Ты все прекрасно знаешь.

Знаю, – фыркает мой чёрный друг, – знаю. И это до жути бесит.

Лучше не начинай. Давай еще просто на нее полюбуемся.

Вновь перетекаю на бок. Лицом к лицу со своей истинной половинкой и поправляю плед, который чуть съехал, оголив плечо.

– Джек, – тихий стон кажется игрой разума, – не уходи, не надо...

Ровное еще секунду назад дыхание Смит сбивается в очередной раз и начинает частить. Тонкая кисть взлетает вверх, шарит по груди и цепляется за рубашку.

– Тш-ш-шш, – прижимаю малышку к себе плотнее и поглаживаю по спине. – Я тут. Никуда не ухожу. Спи.

Наклоняюсь и прикасаюсь губами к виску, где бьется маленькая синяя венка.

– Я рядом.

– Не уйдешь?

Еле слышное движение нежно-розовых губ.

– Не уйду, – обещаю второй раз за ночь и накрываю тонкие пальчики на своей груди ладонью.

Куда я от нее уйду, когда все душевные битвы проиграны. А моей истинной может угрожать опасность. Нет, пока все распоясавшиеся мажоры этого студгородка не будут найдены, я свою малышку одну не оставляю.

Глава 9

ДЖЕК

В начале девятого, убедившись, что выглянувшее из-за туч солнце прогнало не только хмарь и серость, но и ночные кошмары Соланы, сделав ее сон более глубоким и крепким, аккуратно выбираюсь из кровати.

Бесшумно передвигаясь по комнате, обуваю кроссовки, натягиваю ветровку, которую сбросил в кресло у входа, и, прихватив ключи, выскальзываю за дверь.

Часа мне вполне хватит, чтобы разведать обстановку на всей обширной территории студгородка, а заодно заскочить в кафе. Его я приглядел еще вчера, пока осматривался и вычислял местонахождение нужных «объектов».

По времени укладываюсь.

В выходной день привыкшие кутить ночами и просыпаться лишь к обеду сынки богатых родителей отсыпаются и возле дома Смит не пасутся. Неудивительно. Думаю, они еще даже не в курсе, что их ряды сократились на пару особей. А совсем скоро будут вычищены под ноль. Гниль, похищающая девчонок и применяющая насилие, должна быть уничтожена и будет.

В кафе заказ тоже принимают быстро. Но уже у кассы выходит заминка. Одна из девушек, торопясь и постоянно стреляя в мою сторону глазами, косолапо подхватывает один из двух стаканчиков с кофе и, как результат, опрокидывает его на стойку и мой пакет с круассанами. В итоге, пока сотрудница ликвидирует последствия «аварии» и выполняет заказ повторно, уходят лишние пятнадцать минут.

Возвращаюсь в квартиру малышки, уже предчувствуя проблемку.

Ну, так и есть. Застаю Солану проснувшейся и... что неудивительно, с красным носом и мокрыми ресницами.

– Кошмар приснился?

Подкидываю ей подсказку, на которую можно списать утренние слезы. Хотя отлично знаю их причину – моё отсутствие.

Ну да. Опять я накосячил.

– Нет, – качает она головой.

Кто бы сомневался. Моя девочка – стопроцентная омежка. Не обманывает, не ругается, не дерется, не устраивает конфликты, если на то нет острой необходимости.

– Я думала... – начинает и замолкает, прикусывая губу.

– Ты меня явно не ждала? – подмигиваю, любуюсь, как щеки голубоглазки покрываются нежным румянцем. – Зря. Я выходил купить к завтраку горячих круассанов. С шоколадом, как ты любишь.

– О-о.

Пухлые губы рисуют на лице сердечком идеальный круг, заставляя сглотнуть голодную слюну. И нет, черт подери, я не про еду в этот момент думаю, а про...

Сжимаю до хруста кулаки, прогоняя из головы сексуальный туман. А вот и еще одна причина, по которой я держал эту девочку подальше от себя. Чтобы ненароком не сорваться.

Она молоденькая, чистая, хрупкая, неискушенная. А я по ней словно озабоченный маньяк.

Ан нет, не словно, а реально озабоченный. Хотя стоит ли удивляться с таким-то многолетним celibатом и нашей парностью.

– Или твои вкусы поменялись за то время, что мы не виделись? – уточняю, прочищая горло.

Смотрит во все глазищи, боясь моргнуть.

– Нет, – отмирает, – люблю с шоколадом, ты прав.

– Здорово. А чай заваривать зеленый с жасмином и без сахара?

Вопрос задаю, скидывая ботинки и уверенно проходя в сторону кухонного уголка, чтобы поставить пакет с выпечкой на барную стойку.

Если я буду естественным, то и она успокоится. Вижу же, как пальчиками край пледа постоянно жамкает и то и дело прикусывает нижнюю губу.

– Верно, Джек, – отвечает чуть задумчиво, делает паузу, явно гоняя в голове, откуда мне это всё известно, и... – Ты знаешь мои вкусы?

Ухмыляюсь, качая головой.

Если бы она только представляла СКОЛЬКО я про неё ЗНАЮ, точно бы наняла киллера, чтобы меня убить. Потому что я в курсе всего, что её касается.

Всего без исключения. Даже того, о чём она сама едва догадывается.

– Иди умывайся, красивая. Я пока накрою на стол.

Не спорит. Кивает и исчезает за дверью санузла.

За пятнадцать минут, пока Солана занимается утренними процедурами, успеваю осмотреть все ящики, отыскать коробку овсянки и молоко, сварить кашу, разложить по тарелкам и засыпать сверху свежеморожеными ягодами, найденными в морозилке.

Малина – ну кто бы сомневался.

Чай для нее – дело пяти секунд, себе готовлю кофе. Хрустящие рогаики выкладываю в плетеную корзинку.

– Ого, – звучит из-за спины, – ты хочешь, чтобы я лопнула?

Безумно притягательная блондинка стоит, переминаясь с ноги на ногу. Очень домашняя и милая в домашнем спортивном костюме, который ей заметно великоват, и белых носочках.

– Нет, я хочу, чтобы ты нормально поела. Уверен, с последними событиями потерялся не только твой сон, но и аппетит.

И, словно в подтверждение моих слов, раздается жалобное урчание ее живота.

– Прости.

Морщит носик.

– Значит так, – игнорирую извинения, которые совершенно напрасны, – сначала мы едим. Хорошо едим, – наставляю на Солану палец, когда она садится на барный стул напротив меня, – и только после этого я рассказываю тебе всё, что касается Жани.

– Там всё плохо? – кривит личико.

– Плохо.

– Ой, я должна...

Бледнеет.

– Поесть.

– Но...

– Или ни слова больше не скажу.

– А...

– А дальше я отвечу на твои вопросы, – киваю, принимая поистине сложное для себя решение.

Потому что пусть жить с ней рядом мне было охрененно сложно, но хоть как-то жилось. А последние шесть лет вдали – это нестерпимая ломка. Существование ни о чем, когда заставляешь себя вставать по утрам, двигаться через силу, есть, потому что иначе никак, и пробуждаешься от моральной спячки лишь когда выдается возможность смотаться сюда и тихо, никому не сообщая, понаблюдать за ней издали.

Да, я отдаю себе отчет, что проблема никуда не девается и по-прежнему висит надо мной дамокловым мечом. Я всё также не могу предложить своей девочке ничего вразумительного и, скорее всего, не смогу никогда, так как некоторые вещи не имеют обратной силы.

Но я готов рассказать ей всё, о чем бы она не спросила.

Солана имеет право знать правду.

А я ошибался, когда строил между нами преграды. Они не помогли.

Подарок богини остался при нас.

Да, матушка-Луна, подкинула же ты головоломку без решения.

Глава 10

ДЖЕК

- Я справилась.
- Я вижу.
- Расскажешь?
- Может, еще чаю?
- Дже-е-ек...

От мягкого звучания моего имени из ее уст по спине бегут мурашки, а сердце сбивается с ровного ритма и ускоряется.

Крок подпрыгивает и переступает лапами, склоняя голову на бок. Тянет носом и почти жмурится, улавливая... да, малину... аромат нашей удивительно притягательной девочки.

- Хорошо, – откидываюсь на спинку стула. – Постарайся быть сильной.
- Ладно.

Киваю, никак не комментируя. Знаю, что это маловероятно с её-то чувствительностью.

- На Вудову охотился Сноун. Знаешь его?

– Д-да, – соглашается Солана и крепче обхватывает ладонями чашку, стараясь скрыть от меня подрагивающие пальцы. – Седьмой курс юрфака. Жуткий тип с блеклыми глазами и очень отталкивающей улыбкой. Если бы не видела его зверя собственными глазами, подумала, что он сородич змеи. Настолько его вид пугает.

- Пугал, – поправляю ее. – Насильник мёртв. Цеф лично задрал его, сбив с Жани.
- Насильник?.. Сбил с Жани?

Солана моментально бледнеет, теряя краски.

Боясь, что от переизбытка эмоций она потеряет сознание, перехватываю обе ее ладони. Ледяные. Влажные. Складываю их вместе, накрываю своими и начинаю растирать, стараясь согреть.

- Он же не...

Мотает головой, прожигая меня взглядом, в котором закипают слезы.

- Успел.

С силой удерживаю дрогнувшие кисти, не позволяя сбежать.

Пусть лучше сейчас узнает всё от меня и переболеет, чем станет топить в слезах Жани. Хотя, может и стоит позволить этому случиться? Потому что Вудова замкнулась в себе.

Или не замкнулась? Хмурю брови. С той девчонкой, раненной человечкой Линой Эванс, которой вплотную занялся дед Соланы, Жани общалась в больнице вполне нормально. Еще и всех врачей на уши поставила.

Моя истинная шумно втягивает воздух, запрокидывает голову и закрывает глаза.

– Джек, – хлопает носом и звучно сглатывает, – Расскажи мне, пожалуйста, всё-всё-всё, чтобы я знала, как себя лучше вести.

Не смею отказывать.

Поднимаюсь из-за стола, наливаю стакан воды, поддвигаю к ней и, вновь заняв своё место, кратко, стараясь по возможности сгладить жесткие моменты, повествую.

– Девчонки, Жани и Лина, познакомились в лесу. На них обеих открыли охоту. На человечку посягали пятеро двуногих, на нашу Вудову – двое оборотней. С тремя из пяти людей они смогли справиться быстро и практически не пострадали. От оставшихся двоих ушли, запутав следы.

- А двуликие?

– С первым сразу вышла заминка. Волчица Жани оказалась намного слабее оборотня, но ей помогла Эванс. Человечка здорово рисковала, но Вудову отбить умудрилась. Дальше, чтобы

спастись, девчонки разделились. Раненная Лина отправилась за помощью и вышла на нас. А Жани повела Сноуна, повисшего на хвосте, глубже в лес.

– Значит, он ее настиг и...

Смит закрывает рот ладошкой и мотает головой, не обращая внимания на крупные слезы, текущие по щекам.

– Это был их единственный шанс выжить, Солана, – произношу ровно, стараясь ни на секунду не представлять на месте Вудовой свою девочку. Иначе не успокоюсь, пока не разнесу к дьяволу весь этот студгородок, – и твоя подруга им воспользовалась. Пусть это не исправит жестокость ситуации, но просто подумай, что мы вообще могли её потерять.

Молчит минуту, разглядывая точку на столе.

Потом кивает.

– И что мне делать? – спрашивает, вытирая слезу рукавом спортивной кофты. – Как себя вести? Я же...

– Любить, Солана. Ты будешь ее любить также, как делала это всю жизнь. Вы же – лучшие подруги. Не дави, не заставляй открываться, если она не захочет, не устраивай плач и страдания, но будь рядом. Просто рядом.

– Рядом? – повторяет вслед за мной.

Киваю.

– Верно. Именно так.

– Когда ее выпишывают? Она приедет сюда? Или мы возвращаемся в предел к родителям? И вот еще: я успела познакомиться с Линой Эванс. Вчера разговаривала по телефону. Она мне понравилась.

Выпаливает вперемешку вопросы и информацию.

Улыбаюсь непосредственности.

Солана часто так делает, когда сильно волнуется и боится что-то упустить.

– Человечка и твоему деду очень понравилась. Он к ней никого не подпускает, – усмехаюсь, вспоминая своего альфу с немного плывущим ревнивым взглядом собственника. – Что же касается дальнейшего пребывания... пока не наведем порядок, никуда не уедем. В десяти километрах отсюда мы присмотрели отличный особняк. Огромная закрытая территория, лес, удаленность от города, но близость к академии. Джейкоб сегодня-завтра переезжает в него вместе с обеими девушками. Эванс нужен присмотр врача. Сама знаешь, какая слабая регенерация у двуногих. Жани же пока будет рядом. Дальше решит сама. Твоя подружка всегда была девушкой самостоятельной. Я верю, что постепенно эта черта в ней восстановится.

– Правда?

– Конечно, – гляжу в ясные голубые глаза. – Ты же ей поможешь?

Подмигиваю.

– Помогу, – соглашается без раздумий. На губах расцветает чуть подрагивающая улыбка.

– Отвезешь меня к ним, когда будет возможность?

И теперь уже даю добро я.

Первый разговор выходит сложным, но второй, тот, что касается меня лично, предстоит в десятки раз труднее. И вдруг появляется чувство, что не хватает воздуха. Хочется выбраться из стен, которые резко начинают давить, на свежий воздух. На природу. В лес.

– Как на счет того, чтобы немного пройтись? – задаю вопрос, отвернувшись к окну.

Мне не столько требуется удостовериться, что там не начался внезапный осенний дождь. Я и так прекрасно слышу, что происходит в ближайших десятках метров вокруг. Сколько перевести дух перед исповедью.

Ведь это так называется, когда раскрываешь более чем столетние секреты?

Мысленно усмехаюсь.

Говорят, после этого на душе становится легче.

Фыркает Крок.

А вдруг?

Сомневаюсь, но чем дьявол не шутит.

Поддерживаю с ним беседу и вновь оборачиваюсь к Солане, когда она, прочистив горло, соглашается.

– Это было бы здорово.

Истинная кивает несколько раз, словно отвечает самой себе на какие-то мысленные вопросы. Затем хмурит брови и добавляет:

– Так странно... столько лет тут живу, а сейчас чувствую себя словно в клетке.

– Прости, – каюсь, потирая бровь, – кажется, ты улавливаешь мои эмоции. Я не хотел, но...

Зарываюсь пальцами в волосы и взъерошиваю челку. М-да, разговоры по душам – явно не мой конек. Потряхивает.

– Ты же никогда не нервничаешь.

Уверенность в голосе своей девочки поражает до глубины души.

Усмехаюсь и качаю головой.

– Думаешь, я непробиваемый?

– Ты – самый сильный и смелый двуликий, которого я встречала в своей жизни, – заявляет убежденно.

– Я – неудачник, Солана, – морщусь нос, – потому что так и не нашел способа быть с тобой вместе.

Малышка замирает. Во все глаза смотрит на меня.

Я же указываю в сторону выхода и со словами «Буду ждать тебя на улице», покидаю квартиру.

Сильный... ага... унесся, сверкая пятками.

Глава 11

ДЖЕК

– Ты знаешь, что по возрасту я гожусь тебе...

Делаю паузу не специально, но разница в годах со Смит у нас реально колоссальная. В четыре с лишним раза.

И, думается, не будь её, проблем бы тоже не было. Или насчитывалось в разы меньше.

Хотя, кто знает, какие бы иные испытания подкинула мне богиня? Я не произношу это вслух, но порой так и тянет задать вопрос: «Если снаряд не падает дважды в одну воронку, то какого дьявола мне так везет попадать под прицельный шквалистый ливень пуль?»

– В истинные, Джек, – Солана поворачивает голову и смотрит прямо, не отводя взгляд. – По возрасту ты годишься мне в истинные, – повторяет убежденно. – И неважно, что вы с Джейкобом почти ровесники.

Ухмыляюсь, качнув головой.

А вот и еще одна отличительная черта моей девочки. Она не идет на компромиссы. Если считает что-то важным, своим, верит в это всем сердцем – движется вперед уверенно, теряя мягкость и гибкость, присущие её натуре. Не меняет мнение, не отступает, не лавирует.

Стоит вспомнить, сколько раз я разыгрывал перед ней концерты с другими самками, а когда те не могли справиться с задачей, то переключался на человечек. Как я настойчиво ее отталкивал, ранил, выставлял себя форменным мерзавцем и отрекался от нашей парности.

Но она не сдавалась.

Сжимала зубы и отказывалась обращать внимание на кого бы то ни было иного. Отказывалась рассматривать отношения с другими двуликими. Настойчиво оставалась одна, игнорируя массовые предложения об ухаживаниях и замужестве.

– Расскажи всё, – просит, засовывая руки в карманы толстовки.

Мы идем по аллее на расстоянии метра друг от друга. Я неосознанно копирую ее позу, пряча сжатые до побелевших костяшек кулаки в карманах худи, потому что даже метр – это много. Хочется совсем близко, за руку, плечом к плечу или теснее.

– Я родился в южном пределе. Отец был военным, погиб на задании, когда мне исполнилось тридцать. Мать после него продержалась лишь несколько месяцев. И те были не жизнью, а агонией, – кривлюсь, вспоминая, как за пару недель из жизнерадостной, самой счастливой на свете женщины Ситара Торова превратилась в тень себя прежней, разучилась улыбаться, перестала есть и спать, замкнулась и... жуткое время. – Дольше не выдержала, ушла вслед за ним.

– Истинные?

Солана моментально оказывается рядом, ныряет рукой в мой карман и, перехватив ладонь, участливо ее пожимает. Вот она – поддержка без красивых слов. Жест, идущий от сердца.

– Верно, – киваю, отвлекаясь от изучения местности.

– Ты поэтому решил стать военным? Пошел по стопам отца?

– Да. В одной из горячих точек познакомился с Мишулом Иматовым, – не отпуская, прямо в кармане цепляю ее пальцы своими, – так вышло, что и моя, и его группы одновременно защищали Южный Кабажак. Мы договорились, что я со своими парнями вывожу мирных жителей, а он и его подразделение нас страхуют. Все шло отлично до того момента, как у диких пришло подкрепление. Дальше начался ад. Мы держали осаду две недели, пока к нам прорывались свои. В итоге население отстояли, – усмехаюсь, – а мы с Мишулом стали друзьями.

Топот за спиной отвлекает. Оборачиваюсь и, прижав истинную к себе, отвожу в сторону, чтобы бегущие трусцой спортсмены ее не зацепили. Двое парней и девушка между ними, благодарно кивнув, проносятся мимо.

Еще раз осматриваюсь и, удостоверившись, что нашему разговору вновь никто не мешает, возобновляю движение, утягивая за собой Солану и приноравливаясь под её короткие неторопливые шаги.

– Те две недели, – продолжаю прерванный рассказ, – нас сплотили. Как и похожие судьбы. Иматов тоже потерял в юности родителей, но в отличие от меня у него на попечении осталась младшая родная сестренка. Дарха. Она жила с прабабкой в Южанске и часто слала брату рисунки и письма, а тот показывал мне.

– Вы сдружились и стали служить вместе?

Смит задает очень точный вопрос.

– Да, – киваю ей, – Мишул подал рапорт и перевелся в мой отряд. Мы провели в совместных рейдах больше двадцати лет. Плечом к плечу, спиной к спине, доверяя друг другу от и до. А кому еще? – усмехаюсь, вспоминая времена буйной молодости и неумное желание служить правому делу, а еще десятки смертей соплеменников, которым везло меньше, чем нам. – Через пару лет с начала знакомства, мы прошли полный обряд побратимства, став тенью друг друга.

– Это же хорошо? – задает новый вопрос Солана, когда я надолго замолкаю, вспоминая друга.

Мы слишком хорошо с Иматовым чувствовали друг друга и были действительно близкими соратниками, а вот с его сестренкой... как не пытался наладить контакт, как с... сестрой, ничего не вышло. Её настойчивые поползновения, даже когда я поделился радостью об обретении истинной, никуда не исчезли.

– Кхм, – откашливаюсь, прочищая горло, потому что дальше идет та часть, которая является первопричиной невозможности быть рядом со своей девочкой. – Хорошо, пока удача в один из дней от нас не отвернулась. Был захват заложников. Я выводил девушку, беременную. Она споткнулась о торчащую арматуру и стала падать. Крикнула чисто интуитивно, переживая, что ударится животом о перегородку. Этот звук послужил, как детонатор, для перенервничавших бандитов. Они открыли бестолковый огонь. Палили, куда придется. Та пуля предназначалась мне. Мне кажется, я ее почувствовал раньше, чем она вошла в тело.

– Те-тебя...

Слышу, как у малышки перехватывает дыхание, и сипнет голос. Сжимаю дернувшуюся в нервном ознобе тонкую ладошку и, поглаживая большим пальцем, продолжаю.

Потому что обещал, а одно без другого, к сожалению, объяснить не выйдет.

– Нет, хорошая моя, Мишул оттолкнул и поймал её сам. Пуля прошла ему сквозь шею. Шансов его вытащить не было, хотя медики старались на все сто, – запрокидываю голову вверх и, делая вид, что любуюсь верхушками сосен, пытаюсь в очередной раз пережить потерю близкого существа. – Перед смертью Мишул взял с меня слово, что я позабочусь о его сестре. Никогда не оставлю и сделаю всё, чтобы она была счастлива.

Солана, будто предчувствуя беду некоторое время молчит. Пытается переварить услышанное. Или позволяет сделать это мне, но в конечном итоге понижает голос и, повернувшись ко мне лицом, спрашивает:

– Ты выполнил его просьбу?

Смотрю в ее ясные глаза и мотаю головой.

У меня реально не было возможности отказаться от слова, данного побратиму перед смертью.

– Через неделю я поехал лично сообщить Дархе известие о гибели брата. Но застал вместо дома, куда всегда слал письма Иматов, лишь пепелище. Произошел взрыв природного газа, как сказали соседи. Примерно в то же время, когда смертельно ранили Мишула.

– Его сестра погибла? – Солана скользит по мне обеспокоенным взглядом и переступает с ноги на ногу, будто пытается найти опору.

Мотаю головой. Делаю глубокий вдох и продолжаю.

– Я отыскал ее в клинике. Сильнейшие ожоги, частичная потеря памяти и... полная парализация ног. Дарха выжила, потому что оборотница. Но восстановиться полностью не удалось ни за неделю... ни за годы, – добавляю, резко выдыхая воздух из легких.

– Но... разве такое бывает? Она же двулика. Сверхсущество...

Дергаю плечом.

Сам ни раз задавался вопросом, но факт остается фактом. Иматова до сих пор передвигается в инвалидном кресле.

– Что было после? Ты стал за ней ухаживать?

Новые вопросы следуют один за другим.

Если бы так.

Усмехаюсь совсем невесело.

– Я выполнил последнюю просьбу побратима, сделать его сестру счастливой... – сглатываю вдруг ставшей вязкой слюну, – я на ней... – пробую еще раз.

Слова застревают в горле. Пытаюсь их выпихнуть наружу, а они сопротивляются. Всё нутро сопротивляется. Но и выхода другого больше нет.

– Что ты..., Джек?

Солану трясет не меньше чем меня.

– Я женился на ней, как она умоляла, – отвечаю, не отводя взгляда, и разжимаю пальцы, уверенный, что она сейчас же выдернет ладонь и рванет от меня куда подальше. – Иначе Дарха клялась, что покончит с собой.

Не бежит. Стоит на месте.

– Когда это было? – любимый голос мертвеет, как и у меня.

Но взгляд. Она не отводит свой и не позволяет этого сделать мне.

– Еще до того, как твой дед спас меня из смертельной ловушки. Больше ста с лишним лет назад.

– До моего рождения?

– Конечно. Иначе я ни за что не совершил этого шага, – мотаю головой.

Здесь бы точно было без вариантов.

На такой шаг я бы не пошел. Ни в жизнь. Лучше смерть.

– Но ваш брак не закреплён метками, Джек. Я бы почувствовала, – моя девочка подступает ближе. Запрокидывает голову и смотрит, не моргая. А потом сама же себе отвечает. – Ты не разорвешь связь из-за клятвы.

Не произношу ни слова. Просто киваю.

– Не могу, красивая. А Дарха не хочет. Я... я просил, – признаюсь в слабости. – Пусть она мне жена лишь по бумагам, которые для двуликих мало что значат, но этот факт изменять не желает ни в какую, – качаю головой, – прости, маленькая. Это нерешаемая проблема.

– Поэтому ты меня так тщательно отталкивал столько лет?

В проницательности Смит не откажешь.

Пожимаю плечом, но она не сдается.

– Поэтому ты таскал баб к себе домой и всячески пытался доказать мне, что тебе с ними хорошо?

– Я хотел, чтоб ты рассматривала другие варианты, а не заикливалась на мне, – пытаюсь объяснить свою логику. – Я заботился.

– Скажи, Джек, – качает она головой. – Сколько раз ты мне изменял? Сколько самок хотел попробовать твой зверь? Сколько ты целовал, чтобы голова кружилась, а сердце сбивалось с ритма?

Бьет.

Не кулаками, а словами.

Наотмашь.

Грамотно.

Сильно.

Молчу.

Потому что сказать нечего.

Ни одной не пробовал.

Не хотел.

Ни я. Ни Крок.

– А знаешь, я же реально верила, что ты других любишь. Ревновала так, что на стены лезла, – Солана вытирает сбегающую по щеке слезу. – А потом я услышала одну вещь, сложила «два» плюс «два» и поняла, что ты мне врешь.

– Какую вещь, Солана?

Гляжу на свою самую красивую девочку на свете, ощущая, что сердце не в груди уже бьется, а в горле клокочет.

– От тебя пахло бабами, – выпаливает, сжимая кулачки, – но не пахло сексом. Никогда. Ни возбуждения. Ни заинтересованности. Ничего. Просто чужой запах.

– Ты уверена? – подначиваю ее, потому что всё про неё знаю. – Ты же никогда ни с кем...

– Уверена, – вздергивает подбородок. – Ту, твою последнюю... Коди, блондинку... Мы с Жани ее нашли спустя несколько месяцев. Хватило пары угроз, чтобы она раскололась, что это был самый непыльный способ обогатиться наличкой в приличном размере от красавчика-оборотня, который даже в трусы ей не залез.

Фыркаю, восхищаясь своей боевой малышкой.

А вот это я пропустил.

Сдаю позиции?

– Почему ты не поделилась шесть лет назад, что обо всем догадалась? – спрашиваю ее, но она мотает головой.

И задает свой:

– Почему ты не рассказал мне всё, Джек? Я бы... я бы поняла... и не стала ничего требовать... и... приняла любые условия, только бы ты был рядом... я на всё...

– Поэтому и не предложил, голубоглазка, – перебиваю, касаясь пухлых нежно-розовых губ пальцами, а затем убираю за маленькое ушко выбившийся светлый локон. – Я ничего не мог тебе дать взамен. Ни-че-го. И сейчас не могу. Столько всего хочу... и не могу.

Качаю головой.

=====

Шестая история из цикла про оборотней **"Истинная пара. Проклятию вопреки"**
<https://litnet.com/shrt/LExx>

 САФИРА
 "Добро пожаловать в Миниград!" – читаю я текст на придорожном щите и тяжело вздыхаю.
 Новый город. Новый дом. Новая школа.
 Последнее напрягает сильнее всего. Выпускной класс – это вам не первый. А я перевелась именно в него.
 Что ж, постараюсь не ударить в грязь лицом. В прямом и переносном смысле слова.

 КЕЙДЭН
 После проклятия Сафира утратила волчью суть, считает себя человеком и совсем не помнит ни прошлого, ни того, что мы с ней истинные друг друга.
 Что ж, у меня есть целый год, чтобы вновь влюбить в себя ее человеческую половину. И да поможет мне Лунолика богиня.

 ✓# Легкая история о противостоянии героев-студентов. Без слез, драмы, но с шепоткой юмора. С уклоном в молодежный роман.

Глава 12

СОЛАНА

Джек выполняет обещание. При первой же возможности отвозит меня в арендованный дедом дом.

Хотя что там эта поездка? В облике Рами бежать меньше двадцати минут, а на колесах – всего десять.

И всё же в эти ценнейшие крупницы бытия мы находимся с истинным только вдвоем. Будто существуем одни во всей вселенной. И нет никаких проблем и забот. Нет никого кроме нас.

Это волшебно.

Теперь, зная расклад проблем, не позволяющих нашей паре обрести единство, что бы не говорил Джек, мне становится легче. Я знаю врага в лицо. Нет, это не Дарха, на нее я не обижаюсь. Пусть не понимаю стремления неизвестной волчицы заигрывать с несвободным мужчиной, обретшим истинную, но ее страхи и боль из-за увечья принимаю.

Наш с Джеком враг – стечение обстоятельств. И тут он прав, поделаться ничего нельзя. Но не зря же говорят, что время лечит... а еще оно расставляет всё по своим местам.

Уверена, придет тот час, когда всё изменится, наступит минута, и матушка-Луна, подскажет выход.

Каждому даются тапки по ноге, и путь по силам. Наш с Торovým вот такой. Повышенной сложности. Извилистый и теряющийся в дремучем буреломе.

Но он есть, раз есть мы.

Если мы не сдадимся, если не свернем, если будем упорно преодолевать трудности, то, не сомневаюсь, найдем решение.

За себя могу сказать сразу. Я ни за что не отступлю от парности, не откажусь от истинного, не променяю его ни на кого другого, буду рядом на любых условиях. Тем более, зная, что борюсь не только за себя, но и за него.

Как он это делал на протяжении всей моей жизни. Даже когда я считала, что он меня предает, он любил. И сейчас любит. По глазам вижу, по внутреннему состоянию улавливаю, по душевному равновесию Рами считываю.

– Твой отец и его бета сегодня отсутствуют. У них дела в соседнем городе. Выдыхай, – улыбается краешком губ Торov, заметив, как я нервно верчу в руках телефон и то и дело провожу по экрану большим пальцем.

– Это здОрово, – засовываю гаджет обратно в карман, мысленно ликуя.

Нет, папуля и Цеф Вудов, отец Жани, конечно, добрые и понимающие оборотни, но их должности при любом раскладе накладывают отпечаток, а потому они до жути внимательные и цепкие к мелочам.

А меня так разбирает от радости, что удалось разгрести завалы непонимания с Джеком, и так морозит от предстоящей встречи с любимой подружкой, да еще незнакомкой Линой Эванс, что еле-еле удается сдерживать кульбиты настроения.

– Всё будет хорошо, Соль, – Торov накрывает мои сцепленные в замок пальцы своей горячей ладонью. – Не накручивай себя зря.

– Сложно.

– Знаю. А ты просто расслабься и доверься интуиции.

– Я постараюсь.

– Умница.

Делаю резкий выдох и улыбаюсь.

Матушка-Луна, спасибо тебе, дорогая, что позволяешь проживать вот такие моменты счастья. Короткие, но наполненные эйфорией по максимуму. Когда безудержно тонешь в любимых глазах, когда полностью растворяешься в легких касаниях рук, когда заботу ощущаешь на ментальном уровне.

Джек оказывается прав.

Первая настороженность и слегка резиновые улыбки уже через полчаса общения с обеими девочками сменяются светлой незамутненной радостью, робкие жесты – искренними обнимашками и, сознаюсь, обильным слезоточивом. Но тот, как быстро назревает, так и прекращается.

Выплеск нервов и последующий откат. Когда понимаешь, что жуть осталась там, далеко за бортом, и больше никаким боком тебя не коснется.

В спокойной обстановке, в относительно спокойной обстановке, я не стремлюсь активничать, больше наблюдаю и, как подсказывал Торев, молчаливо поддерживаю обеих девчонок. То сжимая тонкие ладошки, то поглаживая их по плечу, то просто делясь душевной улыбкой.

Спустя час слова истинного о том, что мой дедуля охраняет человечку, будто драгоценность, находят полное подтверждение.

Джейкоб контролирует ее непрестанно. Поскольку рана не позволяет Лине двигаться, она лежит в постели. Но и в спальне альфа Смит, как ворчливо называет его Эванс, пусть при этом мило краснеет, он не оставляет ту без внимания. Постоянно проверяет, чтобы не уставала, чтобы не вставала, чтобы ела и пила, чтобы не стеснялась и посылала нас Жани в лес, если захочет поспать. И прочее-прочее в подобном духе.

Со стороны ухаживания двуликого смотрятся безумно мило и до того занято, что, забывая про невзгоды, откидываю рутину прочь и просто дышу эмоциями. Насыщаюсь положительными флюидами.

Стараюсь не спешить с выводами, но одно понимаю четко: у меня нет ревности, что моя единственная любимая подруга магнитом тянется не ко мне, а к Лине, и чуть позже проходит с ней обряд, становясь сестрой по крови. Девушка, вдвое младше нас по возрасту, ведет себя настолько зрело и чутко, так искренна и чиста сердцем, что...

...я прекрасно понимаю и Вудову, и собственного дедулю. Их сердца распахиваются навстречу свету. И неважно, что его излучает не сверхсущество, а слабая девчонка. Ее силе воли я готова аплодировать стоя.

«Матушка-Луна, сотвори чудо! – обращаюсь к богине в один из безумно трогательных моментов, когда Джейкоб, забывая про зрителей, между делом касается губами лба девушки, проверяя температуру, а та, вместо того чтобы отшатнуться от мощнейшей ауры сильнейшего существа планеты, накрывает его руку своей ладошкой и сжимает, заглядывая в волчьи глаза. – Лунолика, пусть у Джейкоба всё сложится, как нужно, и он будет счастлив».

Порой благодати для других хочется даже больше собственной, потому что они заслуживают ее ничуть не меньше, а намного больше.

В академию возвращаюсь, пребывая в светлых чувствах.

Всю неделю постоянно созваниваюсь с обеими девчонками, болтаю с ними по часу или три, узнаю последние данные о состоянии здоровья, рассказываю о занятиях и сплетнях. Молчу о Джеке.

Он предупреждает, что исчезнет по заданию альфы на некоторое время. Переживаю, но отпускаю с улыбкой на губах. Разве можно иначе, пусть и рвется душа?

А после каждый вечер, перебирая воспоминания о нашем чудном завтраке, неторопливой прогулке, сложном разговоре, нанизываю их, как драгоценные бусины, на нить памяти и смакую, воспроизводя перед глазами счастливые моменты.

Беды не жду. Она находит меня сама.

Через пять дней, когда утром я возвращаюсь из библиотеки, на меня нападают два придурка. А как их еще назвать? Огромные широкоплечие мордовороты скручивают руки, затыкают рот какой-то вонючей тряпкой и, словно куклу, подхватывают за шкурку и тащат в сторону хозпостроек.

Глава 13

СОЛАНА

Вы знаете, как умирает душа?

Раньше я об этом только догадывалась, когда ловила холодность в глазах истинного, когда слышала, что он отказывается признавать меня своей парой.

Но это всё такая глупость и мелочь по сравнению с настоящей бедой.

Нет, я не про страх за себя. Это вторично.

Когда боль причиняют любимому существу, которому давно и безоговорочно отдано твоё сердце – вот мощнейший стресс. Вот пресс, который выдавливает жизнь по крупницам. Вот истинная погибель.

Два бугая затаскивают меня в темное помещение без окон и без церемоний толкают вперед. По инерции пробегаю несколько шагов, спотыкаюсь о торчащее из земли кольцо с цепью и падаю на колени, раздирая их и ладони, на которые опираюсь, о мелкий гравий в кровь. Боли не чувствую. Наверное, спасает адреналин, взметнувшийся в крови и притупивший эмоциональный фон.

Первое, что приходит в голову, это мысль: «И зачем я надела сегодня платье, если всегда ходила в брюках?»

Второе: «Как выпутаться из неприятностей».

Но поразмышлять подробнее ни о том, ни о другом не позволяют тихие шаги. Еще два молодых человека появляются из темноты. Со стороны противоположной той, откуда меня впихнули.

Медленно ступая, они с кошачьей грацией приближаются. И чем больше сокращают между нами расстояние, тем четче в сумраке помещения проступают их черты.

Высокие, крепкие оборотни. Они наводят страх своей мощью и излучаемой энергией, заставляя сердце замереть в испуге, а затем взять сумасшедший разгон, чтобы сбежать не только из тела, а из этого места подальше. Но больше всего пугают не раскоченные фигуры, а лица.

Точнее, глаза. Бездушные, ледяные.

Улыбки. Нет. Оскалы. Самонадеянные, беспощадные.

Медленно отталкиваюсь от земли и поднимаюсь на ноги.

– Ну, здравствуй, цыпа, – произносит тот, кто стоит левее, и неторопливо проводит языком между верхней губой и зубами. – Давай, что ли, знакомиться.

Сжимаю кулаки, чтобы говорить ровно, но первый же звук получается смазанным, с головой выдавая нарастающую панику.

– З-зачем?

– Ну как зачем? – ухмыляется тот, что справа, перекатывая из одного края рта в другой зубочистку. – Твоя ссука-подруга завалила наших друзей и сбежала. Думаешь, это сойдет ей с рук? Нет, детка. Неверно. Эту шкуру мы найдем, а ты нам подсобишь. Подскажешь, где она, и что, а заодно... – не договаривая фразу, двуликий опускает руку на пряжку ремня и медленно её поглаживает, будто собирается расстегивать, – поможешь нам снять напряжение.

– Н-нет, не помогу, – качаю головой, на секунду отвлекаясь, чтобы обернуться назад и удостовериться, что выход перекрыт.

Так и есть. Те двое, что схватили меня на улице и приволокли сюда, стоят с двух сторон от светлеющего проема. Засунув руки в карманы брюк и не стесняясь, оба, будто сговорившись, скользят по моим ногам сальными взглядами.

– Это не предложение, цыпа, – произносит, заговоривший со мной первым, – а констатация. И чтобы не дурила, давай-ка, наклоняй свой зад и крепи браслетик на ногу.

Непонимающе хмурюсь, а затем догадываюсь проследить за его взглядом и понимаю, о чем идет речь.

Цепь с кольцом, о которую я споткнулась, заканчивается широкой металлической колодой. На неё-то он и указывает. Рассматриваю жуткое приспособление, а в голове уже мелькают кадры, сколько до меня тут было беззащитных девчонок, которых...

Вот же мерзкие сволочи!

– Не буду, – произношу тихо, но четко.

Не знаю, что во мне поднимается, злость, ненависть, упорство или глупость, но в этот момент осознаю, что не стану идти у них на поводу. Не смирюсь и не поддамся.

Добровольно – ни за что!

Если понадобится, буду кричать и звать на помощь, буду драться, кусаться и царапаться.

– Что, мля? – стоящий справа бугай делает шаг вперед и показательно выплевывает зубочистку.

В последний момент заставляю себя остаться на месте и не отшатнуться, хотя злоба, вспыхнувшая в мерзких черных глазах, пугает до ужаса. У меня волосы на голове шевелятся, а Рами давно и уверенно скалит клыки.

– Себя прикуй, если сильно хочется, – произношу сквозь зубы и где-то на задворках сознания поражаюсь смелости.

Собственной смелости.

Или не собственной? Напрягаюсь, почувствовав... Джека.

Волчица внутри подпрыгивает и звонко тявкает, уловив близость истинного, а я мгновенно вспоминаю момент, когда Торев извинялся за эмоции, которые я сумела ощутить. Так вот, кто на самом деле смелый и готов крушить все вокруг. А я, как была трусишкой, так и остаюсь.

Впрочем, четверо мерзавцев с дурной кровью об этом не догадываются, потому что хмурятся и переглядываются. Моё поведение их слегка сбивает толку.

Я же всё четче настраиваюсь на своего истинного и в какой-то момент уже предвижу его появление. Но внутренней сутью, не по запаху. Того не улавливаю совершенно.

– Ах ты, шавка мелкая, – разозлившийся оборотень резво сокращает расстояние между нами до минимума и замахивается, чтобы...

Отшатываюсь на инстинктах. И в эту же секунду, закрывая меня от удара, выпрыгивает огромный белый волк.

Крок!

Ахает Рами.

Истинный в звериной форме в едином слитном движении набрасывается на мажора, посмеявшегося меня ударить. Не давая ему ни единого шанса перевоплотиться, с грозным рыком вгрызается в плечо. Не выпуская из пасти заоравшую дурью добычу, два раза мотает головой из стороны в сторону и отшвыривает к стене, полосую лапой по груди.

Тихий стон. И тело замирает, обваливаясь непонятной кучей.

Этих мгновений остальным троим хватает, чтобы сориентироваться и...

Двое, стоявшие на входе, перевоплощаются в волков, нападая одновременно с двух сторон, а последний тотчас исчезает, ныряя в непроглядную темень ангара.

Отбегаю к стене, чтобы не попасть под лапы взбешенных зверей, успевающих в мгновение ока сплестись в единый совершенно непонятный клубок меховых тел. Уши закладывает от рычания, рокота, визга и скулежа. Гул стоит такой, что прошивает насквозь. Сжимаю ладони и прижимаю их к груди. Стараюсь глазами уцепить картинку и понять, как обстоят дела у истинного, не ранен ли. Но три волка катаются по полу, разлетаются в стороны и вновь схлестываются в таком дико быстром темпе, что это мне не удастся.

Матушка-Луна, спаси, защити.

Молюсь богине, закусывая губу до боли.

Тело не просто знобит, потряхивает так, что упираюсь спиной в стену ангара, чтобы устоять. Нужно держать себя в руках, а не мешать истинному тем, что валюсь в обморок от нервов.

Как пить дать, он меня тоже чувствует.

Лунолика, как же страшно.

Тихо охаю и закрываю рот рукой, когда различаю рык боли своей пары. Подкидывает так, что не удерживаюсь и всхлипываю. А в следующую секунду наблюдаю, как, хитро изловчившись, Крок набрасывается на бурого громилу-оборотня и впивается клыками в горло, раздирая его.

Хруст ломаемых позвонков и клцанье зубов оглушают.

Сжимаюсь, обхватывая себя за плечи. Испытываю огромное желание зажать уши, чтобы не слышать этого ужасного звука, но всё отходит на задний план, когда раздаются выстрелы.

Тот мерзавец, что прятался где-то в глубине, растягивая на тонких губах зверскую крикую ухмылку, выныривает на свет и, держа в правой вытянутой руке непонятного вида оружие, разряжает его, целясь в Джека.

Попадает.

Я этого не вижу.

Чувствую.

Каждую пулю, что, как горячий нож в масло, входит в тело любимого.

Одна.

Вторая.

Они рвут шкуру Торова и моё сердце заодно. Вздрагиваю, ощущая боль истинного каждой клеточкой тела.

Ожог.

Ожог.

Нет!

Убить! Спасти! Защитить!

Сознание меркнет на доли секунды, когда я отдаю контроль Рами, и та, действуя на голых инстинктах, бросается на убийцу. Был бы гад человеком, задрала мгновенно, но он такой же двуликий, как и я. С отменной реакцией, ловкостью и скоростью.

Вцепиться в шею не получается, но заставить отшатнуться и перестать палить по Джеку – да. Третья и четвертая пули уходят мимо. Однако, радость оказывается мимолетной. Стрелок отпрыгивает вбок и, разворачивает дуло на меня.

Время замедляется.

Рами пригибается, обнажая клыки и прижимая уши. Двуликий напротив растягивает рот в мерзкой улыбке, медленно проводит языком по нижней губе и чуть приподнимает руку, целясь мне в голову.

Его глаза светятся каким-то нездоровым блеском.

– Паф! – произносит ненормальный и... нажимает на курок.

Звучит выстрел.

Я даже вижу, как вылетает пуля и... чувствую, как легко входит в тело, заставляя вскрикнуть от боли.

Не моей боли, Джека. Именно он ловит предназначенный мне патрон, в последний момент сбивая с лап в сторону и закрывая собой. Но даже раненный не останавливается, а бросается дальше, на стрелка.

Загрызает. И как подкошенный падает рядом.

Неестественная тишина, установившаяся в ангаре в этот момент, бьет по ушам кувалдой. Хватает пары мгновений, чтобы оценить расстановку сил: четыре трупа и один...

Перевоплощаюсь и бросаюсь к Кроку, чья шкура лоснится и чернеет из-за обилия пролитой крови. Падаю на колени и пальцами слегка касаюсь волчьей морды. Сердце рвется на части, отмечая тяжелое дыхание истинного. Грудная клетка еле приподнимается, опускается и замирает.

Моё сердце замирает вместе с этой остановкой.

– Джек, тебе нужно обернуться, – произношу, стараясь проглотить слезы. – Джек, родненький, пожалуйста. Я не донесу тебя иначе.

Руки ходят ходуном, когда касаюсь лапы, но я прошу и прошу истинного вернуться ко мне.

Дальше – будто сон.

Действую на инстинктах, словно кто-то ведёт меня. Руководит моими руками, ногами, головой, мыслями.

Хотя какие мысли – одна.

Есть только одна, но самая важная.

Спасти!

Не позволить ему меня оставить одну.

Потому что...

– Ничего у тебя не выйдет, Торев, так и знай! – рычу сквозь зубы, трясущимися руками вытирая слезы и направляя автомобиль в сторону дома Джейкоба. – Никуда ты от меня не денешься! А решишь умереть, уйду вслед за тобой! Так и знай! Умрешь ты – умру я!

Глава 14

СОЛАНА

Вы знаете, что такое боль?

Не физическая, причиненная телу. А душевная, истязаящая морально. Незаметная, но настолько мощная, что подкашиваются ноги, немеют пальцы рук, а голова собирается взорваться, не вывозя накала.

Когда ты выглядишь живой и здоровой, а внутри у тебя война. Эмоциональная и разрушительная. Беспощадная и кровопролитная. Когда выкручивает суставы, ломает кости, огнем выжигает внутренности и на ленты полосует сердце.

Нет, я не придумываю.

Не фантазирую.

И не приукрашиваю кошмарную картину.

Я сжимаю зубами губу, ощущая во рту металлический привкус, и молча агонизирую, улавливая все те страдания, в которых варится мой истинный, истекающий кровью на заднем сиденье машины.

Ужасная боль.

Всеобъемлющая.

Безжалостная.

Но хуже всего – неугасаемая.

Вот тебе и двуликий. Сильный, выносливый, несокрушимый. А чертова регенерация почему-то не действует.

Почему, матушка-Луна?

Вопрошаю раз за разом, глядя через зеркало заднего вида на разодранную пулевыми отверстиями грудную клетку, которая и не думает заживать.

Хочется заорать в голос. Завыть. Забиться в истерике. Вывернуть себя нутром наружу, чтобы не чувствовать ту беспомощность, которая ломает сознание и растирает душу в пыль. Но четкое понимание, что любая моя глупость неукоснительно приведет к смерти любимого, держит в ежовых рукавицах.

Смаргиваю соленые слезы, давно безостановочно текущие по щекам и размазывающие обзор, и лишь сильнее вдавливаю педаль в пол. Веду машину на пределе скорости, не обращая внимания на заносы и с визгом клаксонов съезжающие на обочину встречи.

Им не горит, а у меня каждая минута бесценна.

На закрытую территорию имения, арендованного дедом, влетаю кометой, едва открываются ворота. С надеждой на помощь. С верой в чудо. С неистребимой жаждой мгновенного спасения.

Но мысль, засевшая в голове и нашептывающая, что всё станет хорошо, как только доберусь до своих, разбивается о холодные, произнесенные бесстрастным голосом слова Элины Маск.

– Серебряные пули – это приговор, – констатирует докторица, приехавшая осмотреть Лину Эванс.

Она едва касается кончиками пальцев краев одной из ран, жестом подтверждая ужасную правду.

Миг. И словно бетонная стена обрушивается на голову.

Всё сразу становится на свои места: и нереально дикая боль, которая выматывает Джека, и потеря истинным сознания, и то, почему раны не затягиваются.

– А что не так с серебром? – тихий вопрос человечки разбивает тишину, сковывающую всех двуликих до единого.

Интересу Лины никто не удивляется.

Многие тайны сверхсущества держат в секрете, чтобы не отдавать в руки людей лишних козырей. Хотя те, кто действительно ищет информацию, вполне возможно ее находят. Я не интересовалась, потому и судить не могу.

– Серебро – единственный металл, который для нас опасен. Он плавит кожу при соприкосновении и не позволяет тканям сверхсуществ регенерировать в обычном режиме, то есть скоростном. Пока пули находятся внутри тела, раны не затягиваются, и оборотень умирает от кровопотери, – Джейкоб доступно и понятно объясняет своей гостье нашу особенность.

А у меня дрожь проносится по телу.

Страх... какой же ты всеобъемлющий.

– И что делать с Джеком?

Вопрос, который вертится у меня на кончике языка, вновь озвучивает Лина.

Перестаю дышать и вся превращаюсь вслух. От ответа специалиста с медицинским образованием зависит жизнь Торова... и моя судьба.

Мой истинный – для меня всё.

– Единственный вариант спасения – вызвать врача-человека сюда, чтобы он мог извлечь опасное серебро.

Вердикт Элина Маск озвучивает в спокойной манере, а меня подкидывает. Она даже и не думает пытаться сделать хоть что-то самостоятельно.

Будто ей все равно. Наплевать. Безразлично.

Сжимаю кулаки так, что ногти больно впиваются в кожу. Какая же она бессердечная!

Что ж! Не хочет пробовать она, значит, повезу истинного в клинику. Принимаю решение единолично.

Просто так не сдамся. Не отступлю.

– До клиники парня точно не довезете. Он слишком слаб для дальнейшей транспортировки, – фраза докторицы звучит приговором, железным кулаком вбивая правду в солнечное сплетение. – Счет идет на часы. И их по всему – не более двух.

– Не успею, – шепчу, не чувствуя губ, и всхлипываю.

До ближайшего города больше шестидесяти километров по лесной трассе. Плюс нужно найти клинику, специалиста, все объяснить, договориться...

Матушка-Луна, за что ты так...

Закрываю глаза, надеюсь остановить слезы, но те легко находят путь.

И текут, текут, текут...

– Я... я могу это сделать, если меня будут направлять и подсказывать, – тихий, робкий голос Лины вначале напоминает шелест листьев за окном, но затем он чуть крепнет и звучит более уверенно, когда человечка поворачивается в сторону врачихи. – Доктор Маск, у Вас же в чемодане есть необходимые для операции инструменты?

Замираю, как и все присутствующие взирая на оборотницу. Но та, словно издеваясь, не спешит с ответом, несколько минут о чем-то думает, сканирует Лину, а после Джейкоба прищуренным взглядом. И, когда я мысленно обещаю разорвать ее на клочки, если струсит и откажется, она кивает.

– Хорошо, но...

– К Вам и к Вашей клинике не будет никаких вопросов в любом случае, – голос деда звучит ровно, уверенно. – Я подпишу все документы. Финансовых проволочек также не возникнет. Не волнуйтесь.

– Хорошо, – еще раз повторяет докторица и направляется к выходу. – Я за инструментами. Лина, готовьтесь, будет сложно.

Я же тихо и очень медленно выпускаю набранный в легкие воздух.

Шанс еще есть.

Любимый, только потерпи!

Время...

На самом деле время – это наша жизнь, а не часы со стрелками, как мы зачастую думаем. Время и жизнь – вот что у нас самое драгоценное.

Как жаль, что понимание этого приходит с опозданием.

Пока длится операция, я отсчитываю нашу с Джеком вечность даже не по часам, проведенным вместе, и не по минутам, а по драгоценным секундам, которых до обидного было слишком мало.

Вспоминаются встречи, мимолетные взгляды, короткие фразы, расставания и примирения, прикосновения и улыбки, нежность и счастье в карих глазах, тепло и уверенность в горячих руках, сила и мощь в бережных объятиях.

Матушка-Луна, почему же ты нас так редко баловала?

Закрываю глаза и откидываюсь в кресле, задавая один и тот же вопрос раз за разом. Думать о том, что чем-то заслужили немилость, очень страшно. Верить в то, что наш путь еще не завершен, а это – очередное испытание – слишком самоуверенно.

Не желая уходить от истинного даже на шаг, но не имея сил наблюдать за работой Лины, прикрываю глаза и с головой проваливаюсь в наше с Торovým прошлое. Безумно хочется вернуть время назад, когда между нами было слишком много недопонимания, и просто отринуть его, как что-то наносное и неважное. Хочется молча обнять Джека, прижаться к широкой груди, вдохнуть неповторимый запах любимого и тихо прошептать, что я его ни в чем не виню и прощать мне его не за что.

– Всё, Лина, ты закончила. Это был последний осколок, – голос врача прорывается в затуманенное страхом сознание, заставляет вздрогнуть и поспешно распахнуть ресницы.

Что?

Не дыша, смотрю поочередно на стоящих возле всё еще лежащего без сознания Торова спасателей и боюсь верить услышанному...

Дед, будто чувствует мои сомнения и не затихающий страх, произносит с улыбкой:

– Лина спасла Джека.

Пусть меня считают плаксой, но... мне совершенно это неважно.

Реву.

Тихо, но так радостно, как никогда прежде.

Теперь я точно знаю, что необязательно на небе появляться солнцу, чтобы сделать день светлее, необязательно шутить, чтобы стать безумно весёлым, необязательно дотрагиваться до существа, чтобы вновь заставить застучать его сердце. Для этого достаточно слышать чистое дыхание любимого.

Глава 15

СОЛАНА

Мы, двуликие, привыкли делить наш мир на сильных, то есть нас самих, детей матери-Луны, и слабых – людишек. И вроде бы всё верно, они живут почти в десять раз меньше нас, они хрупкие, болезненные, ограниченные в возможностях.

Но...

Всегда есть то самое «но», которое меняет смысл... предложения в целом, мнения о ком-то, отношения к проблеме. Да много чего.

Лина своим поступком поменяла всю мою жизнь.

Или правильней будет сказать: продлила? Подарила?

Точно! Подарила мне продолжение жизни, готовой вот-вот оборваться со смертью истинного.

Хрупкая девочка совершила храбрый поступок. Проявила такую силу воли, какая мне, не простой оборотнице, а омеге, жемчужине самой богини, и не снилась. Она утерла нос докторице Илине Маск, альфа-самке, крутому специалисту, взяв в руки пинцет и тем самым «запретив» той отступать.

И самое удивительное, своей смелостью человечка ничего никому не пыталась доказать. Прежде всего она спасала жизнь разумного существа. А вывод о ее поступке мы, присутствующие в доме, сделали сами.

Я – так точно уяснила главное – можно быть слабой физически, но непробиваемой внутри, такой сильной, что мир сам прогнется и перевернется под тебя.

– О чем ты так сильно задумалась? – Джек перехватывает мои пальцы, которыми я бездумно поглаживаю тыльную сторону его ладони.

После того, как человечка выполнила наисложнейшую задачу – извлекла серебро, а докторица заштопала самые глубокие разрывы, на которые не получалось наложить скобы, Джеку дали снотворное. Он проспал шесть часов, пять с половиной из которых я провела с ним рядом. Сидя в кресле. И вот проснулся.

– О Лине, – отвечаю ему, как есть. – Она сильная. Я тоже хочу быть такой.

Заглядываю в карие глаза, ожидая увидеть удивление или легкую насмешку, но нахожу лишь понимание и нежность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.